

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
художественно-литературный
Журналъ

ГОЛОСЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ перес. въ Россіи
На годъ . . . 2 руб. 50 к. | На 6 мѣсяцев . . . 65 коп.
На полгода . . . 1 руб. 25 к. | На 1 мѣсяць . . . 25 коп.

Объявленія: въ мѣсто, занимаемое строкою конна-
рекламъ—1 р. 30 коп.; подъ текстомъ—2 р. 50 коп.; на
2-й страницѣ обложки—1 руб. 75 коп.; на 3-й и 4-й
страницахъ обложки—1 руб. 50 коп.

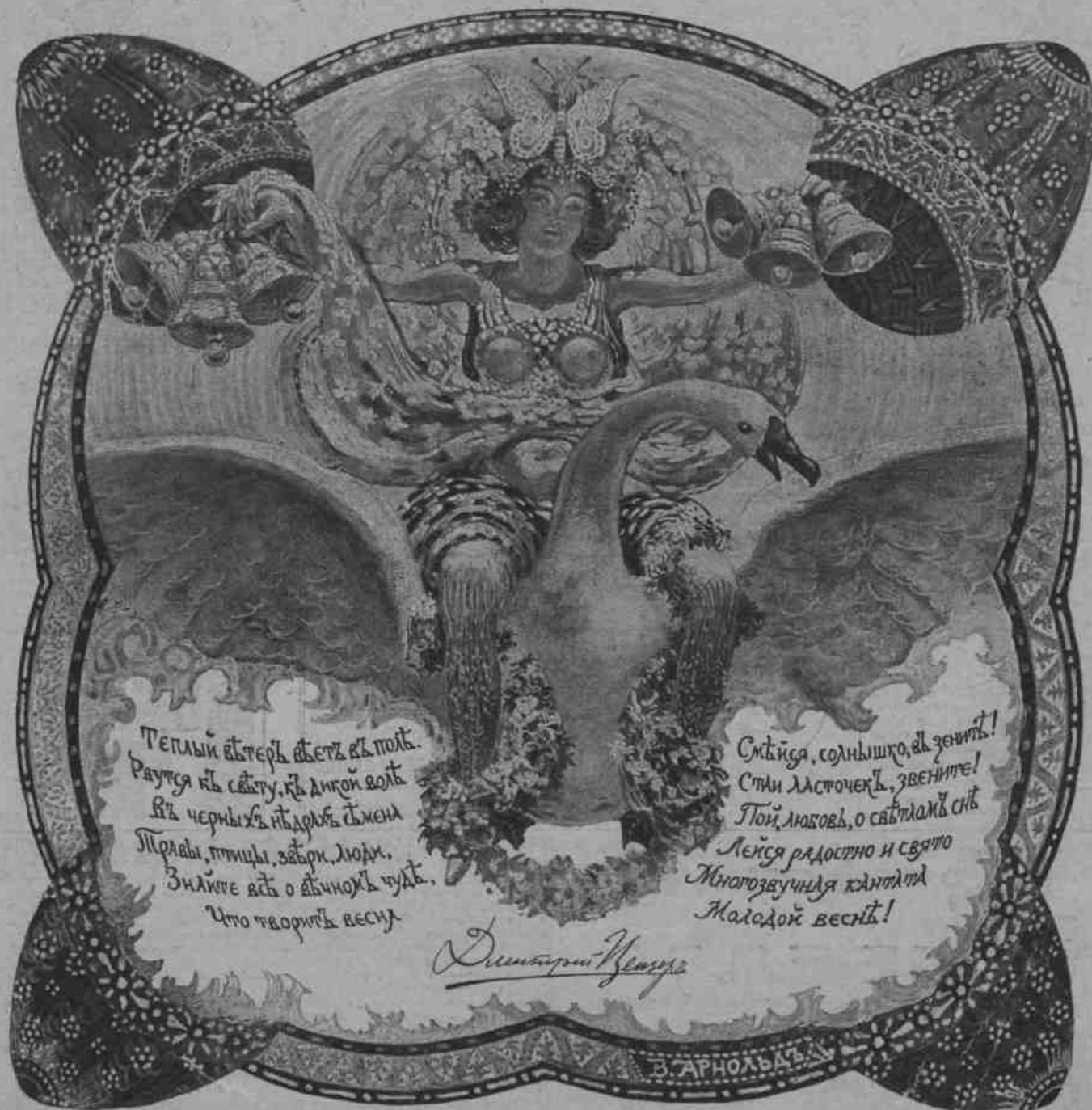
Главная Контора и Редакція: С.-Петербургъ, Галерная, 40.
Отдѣленіе конторы: При Невской Конторѣ „Виржевыхъ Вѣдомостей“,
Невскій пр., 60 (уголъ Садовой).

№ 15

Воскресенье, 14 (27) апрѣля 1913 г.

№ 15

П р и н ц е с с а В е с н а .

Теплый вѣтеръ вѣетъ въ полѣ.
Раучся къ свѣту, къ легкой волѣ
Въ черныхъ нѣдрахъ тѣмны
Плывы, птицы, забри люди.
Знайте всѣ о вѣчной чудѣ,
Что творитъ весна.

Смѣйся, солнышко, въ зенитѣ!
Стни ласточекъ, звените!
Той, ласковъ, о свѣтлой снѣ
Лейся радостно и свято
Многозвучная кантата
Молодой веснѣ!

Дмитрий Монахов

В. АРНОЛЬДЪ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛЪ

Огонекъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ перес. по Россіи.
 На годъ . . . 2 руб. 50 к. | На 6 мѣсяца . . . 65 коп.
 На полгода . . . 1 руб. 25 к. | На 1 мѣсяць . . . 25 коп.

Объявленія: за мѣсто, занимаемое строкою пошлаго
 рекламы—1 р. 30 коп.; воля текстовъ—2 р. 50 коп.; на
 2-й страницѣ обложки—1 руб. 75 коп.; на 3-й и 4-й
 страницъ обложки—1 руб. 50 коп.

Главная Контора и Редакція: С.-Петербургъ, Галерная, 40.
 Отдѣленіе конторы: При Невской Конторѣ „Барическихъ Вѣдомостей“,
 Невскій пр., 60 (уголъ Садовой).

№ 15

Воскресенье, 14 (27) апрѣля 1913 г.

№ 15

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

У Синяго моста вблизи Исаакія и Морской.

Рисунокъ для „Огонька“ художника В. И. НАВОЗОВА.

РАЗСКАЗЪ А. ИЗМАИЛОВА

Иллюстрировалъ для «Огонька» художникъ С. В. ЖИВОТОВСКІЙ.

ПЕРЕПЕЧАТКА ВОСПРЕЩЕНА.
(Закономъ 20 марта 1911 г.)

I.
Аттынь на инспектора.
— Пиши мой на латиниста.

У бурсака, что ставилъ на латиниста, былъ почти басокъ, общавшій изъ него заправскаго протодьякона. И остальные были на возрастъ. Говорили, точно объявляли игру, да и въ самомъ дѣлѣ за послѣдніе мѣсяцы бурса этимъ играла.

Это былъ своеобразный тотализаторъ. Откуда и какимъ вѣтромъ его занесло сюда, въ тихую Визанію, гдѣ отдыхаетъ отъ трудовъ власти «златословесный Платонъ»? Но это была настоящая игра и настоящий азартъ.

Въ бурсѣ все было стихійно, налетало вихремъ и проходило полосой, какъ лѣтній дождь. Вотъ сейчасъ все, что въ ней есть, строятъ духи и софьи, и аданіе стелетъ отъ безустанныго ниска. Сегодня латинистъ, молодой монахъ Вассіанъ, показалъ секретъ римскаго стиха, и вся «философія» пишетъ латинскія вирши, и ей соревнуется даже та мелочь изъ реторикъ, которую богословы зорутъ «сметкомъ».

Но пришла еще недѣля, и бурсаки пишутъ словъ, дающихъ смыслъ при чтеніи слѣва направо и справа налево, и пишутъ спину надъ книгой съ утра до вечера, чтобы получить въ итогѣ замысловатую строку, «яже глаголется въ реторикѣ палиндромомъ».

— Аки левъ и та лати велика...

— А роза упала на лапу Азора...

Случилось, что однажды два бурсака перепарали пари, кто выйдетъ изъ учительской перахъ, — философъ или пасхалия. Одинъ выигралъ, и бурса почувствовала, что это

бурсаки тайкомъ выставили окна и по стекламъ бродили еще одурманенныя, похмельныя мухи.

Огромная часть бурсы разбѣлалась по родитѣ и знакомымъ. Въ стѣнахъ оставалась горсть крутыхъ сиротъ и безпріютниковъ. Уже болше недѣли учительская стояла закрытой, — игра поневолѣ замерла. Да и къ Пасхѣ бурсацкая мошра обычно такъ тонка, что ее болше поддерживаетъ не дѣйствительность, а свойственный бурсаку «увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ». Послѣдніе дни ужъ играли въ волгъ, играли на пуговицы, за гусинья перья, на оладьи въ пятачку.

И вмѣсто того, чтобы карать у дверей класса, бурсаки терпѣливо, смотрѣли въ окно на монастырскіе ворота и гадали, кто пройдетъ — иннокъ, служба бурсакъ или отрокъ. Женщина входила въ монастырскую ограду только утромъ, тогда звонили къ обѣднѣ. Бурсаки помирали отъ тоски и цѣломудрія.

Но сегодня день отмѣнный. Въ календарѣ стоитъ имя Іоанна Безмолвника, ангела ректора. Сегодня уже рано троить, еще до обѣда, вся оставшаяся бурса стояла съ раскрытыми ртамы подъ ректорскими окнами и шла ему на церковныя ладъ старинную салютацию:

Reverendissime pater rector!
Illustrissime protopresbyter et magister...

На балконѣ сначала вы сочила прѣхавшая къ ладѣ съ поздравленіемъ хорошенькая племянница архимандрита, по которой сошло не одно бурсацкое «рѣще». Нарочно выскочила, конечно, зная, что это бурсаки, но показала видъ, что ее чала ихъ, и вскрикнула, и спрятала лицо въ вязаный платочекъ...

Потомъ вынелъ дохчъ энтрить, огромный, зѣбродобный, въ расшитомъ пѣтлѣмъ поскѣ и благословилъ ихъ оттуда, съ высоты, и отъ щедротъ своихъ по общаю, поло-

жилъ всей бурсѣ къ чаю по огромному долгу подубѣлаго съ патокой. Чортъ возми, какая роскошь этотъ подубѣлый съ патокой въ ректорскія именины! Недаромъ ждешь его бурса отъ марта даже до марта!..

III.

Шестой часъ. Успѣшій возать дань Вакху ректоръ побывалъ и въ обѣдѣхъ. Морфей. Утренніе гости ушли, и теперь въ свои окна, какъ разъ противъ ректорскаго флигеля, бурса видѣтъ, какъ къ нему снова сходятся на вечернюю трапезу наиболѣе близкіе изъ корпорации.

Бурса наблюдательна и ей все вѣдомо, — и кто съ кѣмъ дружитъ, и кто кому не подаетъ руки, и у кого сегодня со вчерашняго болитъ голова, и кто родился у эконома — дѣвочка или мальчикъ. Если будетъ, какъ всегда, то на вечеръ къ ректору придутъ инспекторъ, Егоръ Дятловъ, будущій монахъ, нынѣ на изусѣ, грекъ, латинистъ и учитель пѣнія, и утошеніе буаетъ велие, и телець унгошный, и иные уйдутъ отъ него утру глубокую.

Бурса завистливо облизываетъ губы, по ей вужѣ весело, — весело потому, что въ ушахъ еще стоитъ веселый говоръ Спасовизанскихъ колоколовъ, потому что идетъ весна, потому что у нея за плечами всего 20 лѣтъ, потому что въ этотъ вечеръ уже ни одинъ начальнический глазъ не заглянетъ въ ея стѣны.

И она смотритъ въ окна и ставитъ стапки на ректорскихъ гостей:

— Аттынь на инспектора!

— Патакъ на Вассіана!

IV.

«Россійскій Златоустъ» служилъ всѣ эти дни съ похѣдѣльника Страстной, и умаялся, какъ подвизникъ. Знаютъ только его по сошникъ да рипидоносцы, каково ему, тучному и старому, стоять въ тяжеломъ озофрѣ цѣлыми часами, когда съ нея градомъ льется потъ, и со стѣнъ собора непрерывно падаютъ тонкія струйки. Только имъ слышно, какъ иногда стоитъ владыка и вслухъ протонетъ, что бодный волъ. А разоблачаютъ его, — изъ немъ каждая лентка мокрая.

Но велика сила въ старомъ интригантѣ! Много съ него спрашивается, много ему и дано, и живетъ онъ какъ бы учетверенною жизнью. Въ страстную субботу и въ Пасху столько онъ отслужилъ и столькохъ приплатъ, что и троить не вѣстится. На прошлой недѣлѣ укорилъ ректора — «мало вы дѣла дѣлаете, — вонъ я на этой недѣлѣ 80 листовъ написалъ!» На экзаментъ повернется къ одному учителю, говоритъ по-латини, къ другому — по-гречески, къ третьему — по-

французски. И спитъ онъ, какъ Плиній, часа три въ ночь.

Зато теперь, когда отланы все визиты, визимо, отдыхаетъ владыка, и мертвая тишь около его покоевъ, какъ около спящего злва. Вчера даже отравили въ Москву его карету обить новымъ штофомъ. Никого эти дни не приметъ старецъ и никуда не поедетъ.

V.

Это знаетъ и семинарскій ректоръ, и по-ому особенно веселы сегодня его именины. Сейчасъ уже идетъ часть неофициальная, и сидятъ у него въ кабинетѣ за замкомъ только большіе друзья — инспекторъ Дятловъ, веселый и талантливый монахъ Вассіанъ изъ «платониковъ» *), да учитель «ѣнія, кругленькій хохолъ Гмыза.

Сердца всѣхъ уже умилены и очи увлажнены.—двойное дѣйствіе вина и дружбы. Въ маленькомъ кабинетѣ много книгъ, въ скудныхъ корешкахъ изъ простой желтой кожи: монаху важно не то, въ чемъ книга, а что въ книгѣ. Не Платонъ-ли на каждомъ шагу повторяетъ старую восточную поговорку, — «Если у монаха есть оболъ, самъ онъ не стоитъ оболъ». Никакого другого убранства въ кабинетѣ. Только въ углу, за книжнымъ шкафомъ есть тайный ларецъ, и сегодня туда усердно навѣдывается хозяйская рука.

Сейчасъ ученые мужи заняты дѣломъ со-ответственнымъ ихъ учености. Маленькій шарообразный Гмыза стоитъ передъ столикомъ, установленнымъ бутылками, и машетъ пустой рюмкой, ѣжко оттопыривъ мизинецъ, и все четверо поютъ латинскіе стихи, занесенные сюда изъ польской обители:

Triginta presbyteri simul consedere
In quodam capitulo, simul et dixere...

VI.

И когда густые звуки садятся подъ низкимъ потолкомъ кабинета, поднимается мягкій генеролъ Вассіанъ, перекладывающаго стихи тутъ же на русскій:

Тридцать пресвитеровъ вкушъ возсѣдали,
Въ иѣкомъ капитулѣ, вкушъ и вскричали...

— Ну, не совсѣмъ «вскричали», — замѣчаетъ ректоръ. — Однако, смыслъ выдержанъ. Продолжай, Гмыза.

Гмыза замахииваетъ рукою, привставъ на цыпочки, точно самъ собирается улѣтѣть, и снова гудятъ густые и сильные звуки:

Nostras vult ancillulas pre-
sul amovere.
Quid debemus super hoc
sibi respondere?

*) Такъ назывались стипендіаты Платона, получавшіе въ дополнение къ своей фамилии фамилию Платоновъ. Отсюда пошла Гизяровъ, Кудрявцевъ, Ивановъ-Платоновъ и т. д.

«Песуразный, длинный инспекторъ сидѣлъ на полу, вытянувъ ноги и моля въ рукахъ шашку.

Рисоваль для «Огонька» художникъ С. В. ЖИВОТОВСКІЙ.

— И опять ласкаетъ ухо тено-рокъ Вассіана:

Нашихъ-ли служаночекъ хочутъ отогнати.
Какъ изгумну на сіе намъ отвѣщати.

— По столь вольному переводу не видать въ тебѣ «платоника» — укоризненно говоритъ ректоръ. — Не аширобоваль бы я тебя на экзаменѣ!

— Стихи не проза, reverendissime rector, да и я, чай, не Херасковъ.

Постукиваетъ мѣлтинокъ старыхъ часовъ, тихо позваниваютъ рюмки, гудитъ древиия, точно мѣдная латынь, пока не замираютъ послѣднія строки монашеской сатиры:

Hadeatis, clerici, duas concu-
binas,
Et tamen implebitis sic leges
divinas...

Ректоръ и Вассіанъ еще мину-ту спорятъ о томъ, какъ лучше перевести: «сподружіе» или «наложница». Гмыза уже шепчетъ инспектору какой-то анекдотъ, и подъ шумокъ наливаетъ стаканы. Условнымъ стукомъ стучитъ келейникъ и вноситъ пивной жбанъ, сыръ и полный горшокъ великолѣпной блужей икры.

Стрѣлка часовъ неза-мѣтно воруетъ время, разгово-ръ скачетъ. Сообража-ютъ, скоро-ли ректоръ на-дѣнетъ омофоръ, и какъ-е имъ нарекуть въ иноче-ствѣ Дятлову, говорятъ про новый трактатъ по богословію, про послѣднюю продѣлку бурсаковъ и шепоткомъ — про страшную напрасную смерть, какою толкуютъ, умеръ покойный государь Павелъ Петровичъ...

Дверь на замѣтъ, и спущены занавѣски на окнахъ, и никто не услышитъ того, что сказа-но здѣсь. Ректоръ еще не архіерей, и по-куда его стѣны ушей не имѣютъ.

VII.

Бурсаки уже выстѣдили и инспек-тора, и латиниста, и Гмызу. Нѣтъ толь-ко грека, и на него ставится алтынъ, ко-гда вдругъ двое стережущихъ отскакива-

— Темно, портить глаза, — подумалъ владыка...
Рисоваль для «Огонька» художникъ С. В. ЖИВОТОВСКІЙ.

ють отъ окна, какъ обожженные и вразъ госклицають:

— Платонъ!

Отъ узкихъ дверей монастырскаго двора, въ самомъ дѣлѣ, идетъ митрополитъ, — со-всѣмъ по домашнему, безъ клобука и пана-ги, съ легкимъ золотымъ, почти шейнымъ, крестикомъ на персяхъ, въ выдѣлѣнной ску-феечкѣ, съ высокой палкой, мягко ступаю-щей резиновымъ кончикомъ. Такъ не разъ, вечерами, заходитъ онъ въ свой верто-градъ, какъ онъ зоветъ семинарію, предла-гаетъ бурсакамъ перевести замысловатый тропарь, заглядываетъ въ кельи учителей, хвалитъ имъ новую книгу.

Бурсаки подтянулись, вычистили носы отъ табаку, сѣли за книги. Только откуда-то съ окраины зданія поднимается все вы-ше и выше чей-то зычный голосъ, читаю-щій на манеръ «апостола»:

Веліе чудо!
Въ семинаріи жить худо.
Во градъ не пускають,
Горилки не разрѣшаютъ.
Архіерей — фалафей,
Архимандриты — зѣло сердиты.

Послѣдній раскатъ настолько громогла-сенъ, что какой-то отзвукъ его доносится, кажется, и до ректорскихъ оконъ. Гмыза отстраняетъ занавѣску, и маленькіе глазки его упрямо всматриваются въ идущую ве-личественную фигуру.

На Гмызу нападаетъ точно минутный столбнякъ и почти заплетающимся язы-комъ онъ произноситъ:

— Братіе! Кажется мнѣ сіе, али это и въ самомъ дѣлѣ Платонъ?.. Испова эти, деспо-та! Тонъ деспотинъ...

VIII.

Труба архангела въ часъ страшнаго суда произвела бы не болѣе ошеломляющее впе-чатлѣніе на участниковъ ректорской тра-пезы.

Забывъ всякую церемонность, ректоръ

вдруг выпаливаются своих гостей из кабинета и, захватив, сколько можно, бутылку, бросается с ними, повидному, сам не зная куда. Трагичность сцены усиливается поистини зловещим молчаніем. Молча пражет келейникъ яства, на ходу пересаживая указательнымъ пальцемъ увесистый кусъ икры въ ротъ.

Молча, чернымъ ходомъ, выбѣгаетъ Гмыза, болѣе всѣхъ крѣпкій, и сѣпашетъ подставить стриженую голову подъ рукомыльникъ. Шатаясь, съ шапкой въ рукѣ, идетъ за нимъ тяжелый, долговязый инспекторъ, добирается до склада дровъ и, не отдавая себѣ отчета, садится за ними.

ротъ ректорскаго кабинета, все тамъ уже было по чину.

Не было ни одной рюмки, ни одной бутылки, только въ воздухѣ стоялъ невыносимый букетъ селедки, вина и лука. Ректоръ былъ въ парадной рясе, точно въ ней онъ проводилъ все свое время. Трезвый и острый взоръ митрополита, тотъ, что безтрепетно смотрѣлъ въ судорожно дергающееся лицо Павла, и дерзновенно укорялъ Екатерину, пронзительно вглядѣлся въ жалкіе виноватыя глаза ректора, и все понял.

— А я вотъ пришелъ съ семинаріей похристосоваться!

кучка семинаристовъ. Платонъ благословилъ толпу одной рукой и сказалъ:

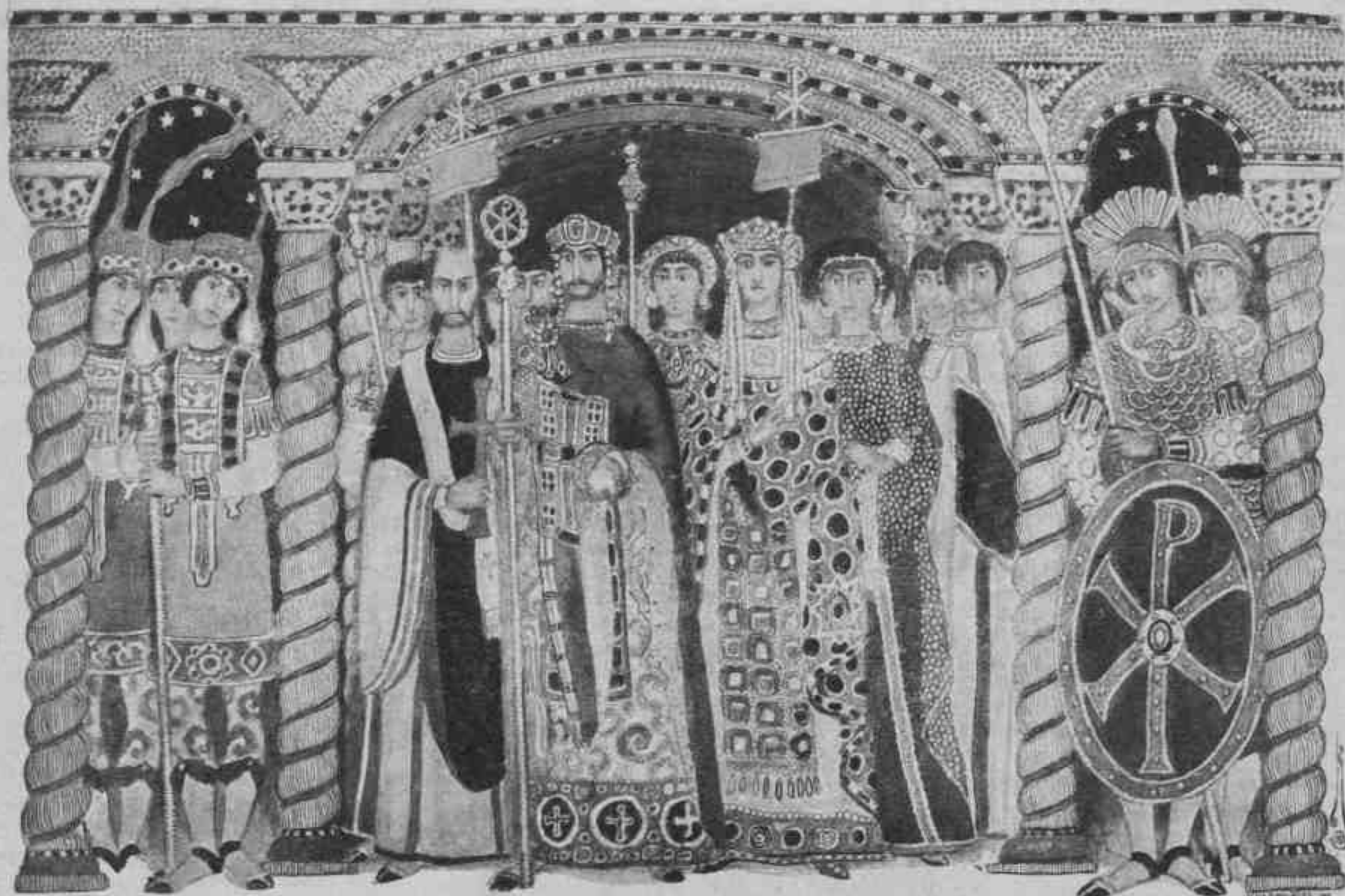
— «Христосъ Воскресе».

Всегда разговорчивый, на этотъ разъ онъ былъ молчаливъ и какъ бы печаленъ. Молча подошелъ онъ и къ открытому окну Вассіана. Монахъ не поднималъ на него головы. Платонъ изгагнулъ на его книгу и узналъ своего «Вергилія», по которому самъ учился и котораго прошлый мѣсяцъ пожертвовалъ въ визанскую бібліотеку.

— «Темно, портить глаза!»—подумалъ онъ, но ничего не сказалъ.

Царскій выходъ въ Святую ночь въ древней Византіи.

Акварель, исполненная для журнала „Огонекъ“ художникомъ Н. К. КАЛМАКОВЫМЪ.

...Еще сущей тьмѣ, исходяше царь съ царицею своею и великій архіепископъ съ пресвитеры и синклитомъ и вой, съ хоругви, и синири царевъ въ десницѣ его. И пояху пресвитеры и епископы тропарь отъ мертвыхъ Воскресшему. И лобызаше царь первѣе архіереа лобзаніемъ святымъ трифаты, и таномже благовѣрную царицу, и весь священническъ соборъ и воинскъ сонмъ.

Горше всѣхъ состояніе Вассіана. Дьяконъ просто никуда не годится. Съ такимъ сознаніемъ опасности, съ ужасомъ въ глазахъ, онъ плетется до своей кельи въ нижнемъ этажѣ аданія, садится у раскрытаго окна, выходящаго въ садъ, тяжело рухаетъ локтями на огромный разогнутый фоліантъ, подпираетъ голову и застываетъ посля этого огромнаго напряжения въ каменной неподвижности. Если бы теперь его обѣщали озолотить за одно движеніе, онъ не могъ бы его сдѣлать.

IX.

Долго постукивалъ владыка своей палкой въ ректорскую дверь,—не скоро открылъ ему келейникъ. И когда появился онъ на по-

Послышалось это иениннику или было и впрямь сказано? Но онъ не могъ ни подняться навстрѣчу владыкѣ, ни сказать ему спасибо. «Тридесать пресвитеровъ вкупѣ позѣдали»,—безмысленно, нехотати, повторилъ мозгъ.

— Очень хорошо!—сказалъ владыка, и повернулъ къ нему спину.

...Былъ темень учительскій корпусъ. Платонъ постукалъ въ инспекторскую дверь и, только постукавъ, замѣтилъ на ней наружный громоздкій замокъ. Почему-то потянуло его за стѣну дровъ. Несуразный, длинный инспекторъ сидѣлъ на полу, вытянувъ ноги и мая въ рукахъ шапку. И опять все сказала его поза.

У бурсацкаго крыльца уже столпилась

Для черезъ три ректоръ былъ у владыки съ докладомъ. Платонъ отчиталъ его съ краснорѣчіемъ, оправдывавшимъ ния Златоуста. Ректоръ слушалъ и чувствовалъ, какъ ухнуло куда-то въ пропасть его викариатство. Инспектору вѣрно было передать, что искусъ его начнется сначала.

— Хорошо мой вертоградъ!—закончилъ митрополитъ, и покачалъ головой.—Во всей семинаріи токмо и обрѣлъ одного трезваго и занимающагося дѣломъ!

Ректоръ понялъ, что рѣчь шла о Вассіанѣ. Въ другое бы время онъ разсмѣялся. Теперь ему было даже не до улыбки.

А. М. Майков

Сказка о Голубой Птице

М. Щепкиной-Куперник.

рисунки
Е. Самокиш-Судковской.

ПЕРЕПЕЧАТКА ВОСПРЕЩЕНА.
(Законом 26 марта 1911 г.)

Вы все, конечно, читали и знаете сказку о Голубой Птице и принцессе Флоринте; но только никому из вас не известно, какъ это было по-настоящему.

Хитрый старый сказочникъ Перро хотѣлъ, чтобы эта сказка, какъ все сказки, кончалась хорошо, и потому онъ съчинилъ свой конецъ. Но вы должны узнать правду о Голубой Птице, и я расскажу вамъ ее.

Принцесса Флорина жила въ высокой башнѣ, и была прекрасна, какъ все сказочныя принцессы. Въ дворцовомъ паркѣ все розы спорили, которая изъ нихъ больше похожа на нее, и побѣдила Чайная: только ее нѣжность и красота могли бы сравниться съ нѣжностью и красотой принцессы. Голосъ Флорины былъ чистъ и сладокъ, какъ струны арфы подъ рукою влюбленнаго мелестреля, — а въ глазахъ ее было золото солнца и тѣмъ бархатной ночи. Она была невинна и добродѣтельна; съ утра до вечера она сидѣла у своего окна за прялкой изъ слоновой кости, или шила жемчугомъ въ пальцахъ, или читала молитвенникъ, — а съ вечера до утра она мечтала о любви.

Когда впервые прилетѣла къ ней Голубая Птица (которая, какъ вамъ известно, была инкогнито, какъ заколдованный молодой король, влюбленный въ Флорину), принцесса приняла крылатого гостя со всею воцаренною юною сердца, и первое время не хотѣла и не могла думать ни о чемъ другомъ.

Проходили, таяли и уплывали часы: розовые часы утра, золотые часы дня, голубые часы сумерекъ и лиловые часы ночи,

а принцесса Флорина не разставалась съ Голубой Птицей. Наклонивъ головку на бокъ, слушала она чудныя пѣсни и сказки волшебной птицы, заскала ей шелковыя перышки и нѣжно цѣловала прямо въ клювъ; а Голубая Птица обнимала принцессу своими крыльями и пѣла ей сладкія пѣсни о любви, о красотѣ, о свободѣ, о далекихъ странахъ и невиданныхъ цвѣтахъ. Принцесса прижимала къ своей груди воздушную гостью, и чувствовала у своего сердца, какъ часто-часто билось сердечко Голубой Птицы.

Ночь пролетала мгновеніемъ, заглядывая въ окно высокой башни голубой упрекъ разсвѣта и смѣялся розовой улыбкой дня, но и днемъ принцесса не могла наговориться съ Голубой Птицей: въ бездѣйствіи тояла ее прелесть, жемчужины осыпались на пальцахъ, молитвенникъ оставался открытымъ все на одной и той же страницѣ, а принцесса все слушала сказки и пѣсни Голубой Птицы, и насладиться не могла.

Но присутствіе чудной птицы не могло долго оставаться неизвѣстнымъ. Живые не любятъ сладкой тайны, снѣдуютъ ее достоинствомъ толпы. Скоро во дворцѣ, начиная съ короля и до послѣдняго поваренка, узнали о Голубой Птицѣ и о томъ, какъ принцесса полюбила ее.

Узнать, значило — полюбоваться; полюбоваться — увидать; а увидать, значило — начать обсуждать.

И Голубую Птицу начали обсуждать.

Первое слово сказалъ ученый орнитологъ. Онъ былъ самый ученый орнитологъ въ королевствѣ, и объ одномъ воробышномъ нѣстѣ написалъ сто толстыхъ томовъ. Слово его длилось долго, а свелось вотъ къ чему:

— Собственно, въ виду того, что Голубая Птица говоритъ по-человѣчески, ее слѣдовало бы отнести къ семейству Psittacidae, — попугайныхъ, вѣрите — Sittacidae, — ибо у нея длинный и шипящий хвостъ, — хотя цвѣтъ она скорѣе напоминаетъ Palaeornis Torquatus, изъ этого же семейства. Но, съ другой стороны, все ея строеніе, а, главное, ея роскошное опереніе, заставляютъ отнести ее къ разряду Paradisidae, такъ называемыхъ въ просторчій «райскихъ птицъ», которыя водятся въ Новой Гвинее. Однако, Paradisidae отличаются непріятнымъ голосомъ, напоминающимъ карканье воронъ, тогда какъ пѣніе Голубой Птицы прелестью и нѣжностью превосходитъ соловьиное. Все взвѣсивъ, я заставляю притти къ выводу, что она принадлежитъ къ новому виду, доселѣ орнитологіи неизвѣстному, и поэтому должна быть названа по имени ученаго орнитолога, перваго, имѣвшаго возможность ознакомиться съ ней.

Затѣмъ говорилъ историкъ. Онъ не только зналъ все, что было до короля Дагобера, но даже и то, что было, когда еще ничего не было. Онъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

— Дружба людей съ птицами болѣе относится къ области міеологіи, чѣмъ исторіи, хотя примѣры ея извѣстны всему образованному міру: такъ, любовь Леды и лебедя; или голубка, сопровождавшая Энея при его снисхожденіи въ адъ; или орелъ, похитившій Ганимеда... Существуютъ, впрочемъ, и въ исторіи примѣры большой любви къ птицамъ: вспомнимъ византійскаго императора Василия и его привязанность къ попугаю, спасшему его сына Льва (котораго онъ хотѣлъ казнить за то, что участвовалъ въ заговорѣ) тѣмъ, что воскликнулъ: «Прости бѣднаго Льва!»... Изъ еще болѣе отдаленныхъ временъ дошли до насъ свѣдѣнія о воробышѣ

«Наклонив голову на бок, слушала она чудные песни и сказки волшебной птицы».

Рисовала для «Огонька» худ. Е. САМОКИШЬ-СУДКОВСКАЯ.

Лесбий, уткóвченномъ въ стихахъ Катюла. Все это ясно доказываетъ, что въ любви принцессы Флорины къ Голубой Птицѣ нѣтъ ничего выходящаго изъ ряда понтъ, и можно только приветствовать этотъ новый вкладъ въ исторію, который немедленно будетъ внесень имъ, ученымъ историкомъ, въ лѣтопись, ведущуюся имъ съ того момента, какъ онъ научился писать.

Послѣднее слово сказалъ поваренокъ, и суть его была въ томъ, что онъ еще никогда не видывалъ такой дичины, но, что, если ее изжарить, то очень красиво будетъ подать ее, какъ фазана—въ перьяхъ и съ распущеннымъ хвостомъ.

При этомъ принцесса вскрикнула и такъ прижала къ себѣ Голубую Птицу, что та чуть не задохлась.

Долго шли разговоры и осматриваніе птицы. Придворные пептались и возмущались, что принцесса возится съ какой-то птицей, тогда какъ лучшие юнши и дѣвцы въ королевствѣ готовы были бы съ радостью составить ей общество.

Косились на птицу, а въ глаза лстили ей и просили свѣтъ. Голубая Птица умѣла пѣть только о любви, и не хотѣла пѣть при чужихъ людяхъ. Прикосновенія ихъ были ей неприятны, и часто ей хотѣлось клюнуть своимъ острымъ клювомъ небрежно хватающія ее руки,—и не дѣлала она этого только, чтобы не доставлять принцессѣ неприятностей. Но дѣлые дни сидѣла молча и нахóхлившись,—и лишь по ночамъ онъ съ принцессой опытъ чувствовали себя свободными, и въ молчаніи душистой тьмы лились пѣсни о счастьѣ.

Въ одинъ прекрасный день растворилась дверь въ покои принцессы. Сперва вошли 12 пажей въ красномъ, приложили руку къ сердцу, опустили шляпы такъ низко, что перья коснулись пола, и стали по обѣимъ сторонамъ дверей. Потомъ вошли 12 придворныхъ дамъ въ бѣломъ, взошли кончиками пальцевъ за свои юбочки, и присѣли такъ низко, что показалось, будто вошли 12 бѣлыхъ колокольчиковъ,—и, наконецъ, появились королева-мать.

Поклонивъ Флорину въ лобъ, она сказала:

— Дорогая дочь, принцесса Флорина! Я должна сказать вамъ нѣсколько словъ. Въ

вашихъ покояхъ много драгоценныхъ вещей. Вотъ, напримеръ, эта хрустальная люстра изъ Мурано, въ каждой подлѣскѣ которой солнце отражается тысячу разъ,—она одна стоитъ цѣлаго маленькаго городка въ нашемъ королевствѣ. А вотъ это зеркальце изъ Венеціи, съ гиридой амуровъ, обвивающей его,—оно принадлежало еще зашей бабушкѣ, королевѣ; въ него она смотрѣлась, когда спрашивала:

«Свѣтъ мой зеркальце, скажи
И всю правду доложи:
Кто на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румяней и бѣлѣе?»

А вотъ эта хрустальная туфелька,—это дорогая реликвія вашей прабабушки Сандрильоны!—Много у насъ такихъ безцѣнныхъ вещей: зачѣмъ же вы хотите подвергать ихъ такой опасности?

— Какой опасности? —спросила принцесса.

— Вы спрашиваете, какой? Какъ же вы позволяете Голубой Птицѣ такъ свободно летать по вашимъ pokojамъ, не только днемъ, но и ночью? У нея сильныя крылья,—она не соразмѣряетъ своихъ движеній, привыкнувъ къ свободѣ. Одинъ случайный взмахъ,—и все погибло! Неужели вы хотите этого?

— О пѣть,—воскликнула принцесса.—Но что же мнѣ дѣлать?

— Подрѣзать ей крылья... Или посадить ее въ клетку.

— Подрѣзать крылья? Ни за что!

— Тогда,—остается клетка. Не только птицы, всѣ уважающія себя принцессы живутъ въ клеткахъ. Почему вы можете мириться съ высокими стѣнами и подземными мостами,—а она не можетъ?

Принцесса задумалась и не знала, что возразить.

— Въ тому же, посмотрите. Вонъ подъ окномъ по выступу крадется ваша любимая кошечка, которую вы забыли ради этой птицы. Видите, какъ блестятъ ея зеленые глаза? Одинъ прыжокъ—когда васъ не будетъ въ комнатѣ—и Голубая Птица погибнетъ!

— Вы правы, дорогая матушка!—сказала принцесса и поцѣловала руку королевѣ. Когда та удалилась, она подошла къ Голубой Птицѣ, и со вздохомъ промолвила:

— Прости меня, милая птичка, но я должна оградить тебя отъ опасности!

— Лишь-бы мнѣ быть близъ тебя!—отвѣтила Голубая Птица.—Лишь-бы мнѣ не разставаться съ тобой!

И Голубую Птицу посадили въ клетку.

Въ клеткѣ Голубая Птица стала пѣть слаще, чѣмъ когда-либо, потому что теперь только этимъ она могла выразить свою любовь къ Флоринѣ.

Принцесса то и дѣло подходила къ клеткѣ и сквозь золотые прутья рѣшетки цѣловала свою плѣнницу и приносила ей свѣжій вышивъ и цвѣты, чтобы напомнить ей о свободѣ. А птица пѣла такъ чудесно, что Флоринѣ казалось въ лазоревомъ сумракѣ лунныхъ лучей, будто журчатъ весенніе ручьи, и звенятъ колокольчики ландышей, и шелеститъ вѣтеръ въ кипарисахъ... И такіа слова любви и ласки слышались въ пѣсняхъ волшебной птицы, какія можно слышать только въ сказкахъ.

«На сѣрой грудкѣ ея какъ темные рубины плыли капли алой крови»

Рисовала для «Огонька» худ. Е. САМОКИШЬ-СУДКОВСКАЯ.

Но въ одну прекрасную ночь растворилась дверь покоя принцессы, и появился король отец. Онъ былъ безъ свиты, въ ночномъ колпакѣ и спальныхъ туфляхъ. Подъ мышкой онъ держалъ скипетръ и былъ очень разбитъ.

— Ты не жалей старика отца! — воскликнулъ онъ. — Я такъ устаю отъ государственныхъ дѣлъ, цѣлые дни я возжусь съ благомъ моего народа — ты думаешь, это легко? — А ты не даешь мнѣ спать по цѣлымъ ночамъ? Я глазъ не могу сомкнуть отъ этого пѣнія, щебетанія, трелей и рудъ. На что это похоже? Набрось на клетку черныя платки, какъ дѣлаетъ моя почтенная принцесса-сестра со своей канарейкой, или сдѣлай что угодно, но чтобы я больше этого пѣнія не слышалъ по ночамъ.

Но въ одно прекрасное утро къ принцессѣ пришла гофмейстерина и доложила, что принцессу желаетъ видѣть придворный живописецъ, наблюдавшій за художественной отбѣлкой дворца и за художественнымъ образованіемъ принцессы. Живописецъ вошелъ, преклонилъ колѣна и заговорилъ.

— Простите, принцесса, что я осмѣиваюсь поднимать голосъ. Но въ интересахъ вкуса и художественности я обязанъ сдѣлать это. Дѣло идетъ о вашей Голубой Птицѣ. Выгляните, какой ужасъ!

— Въ чемъ дѣло? — испугалась принцесса.

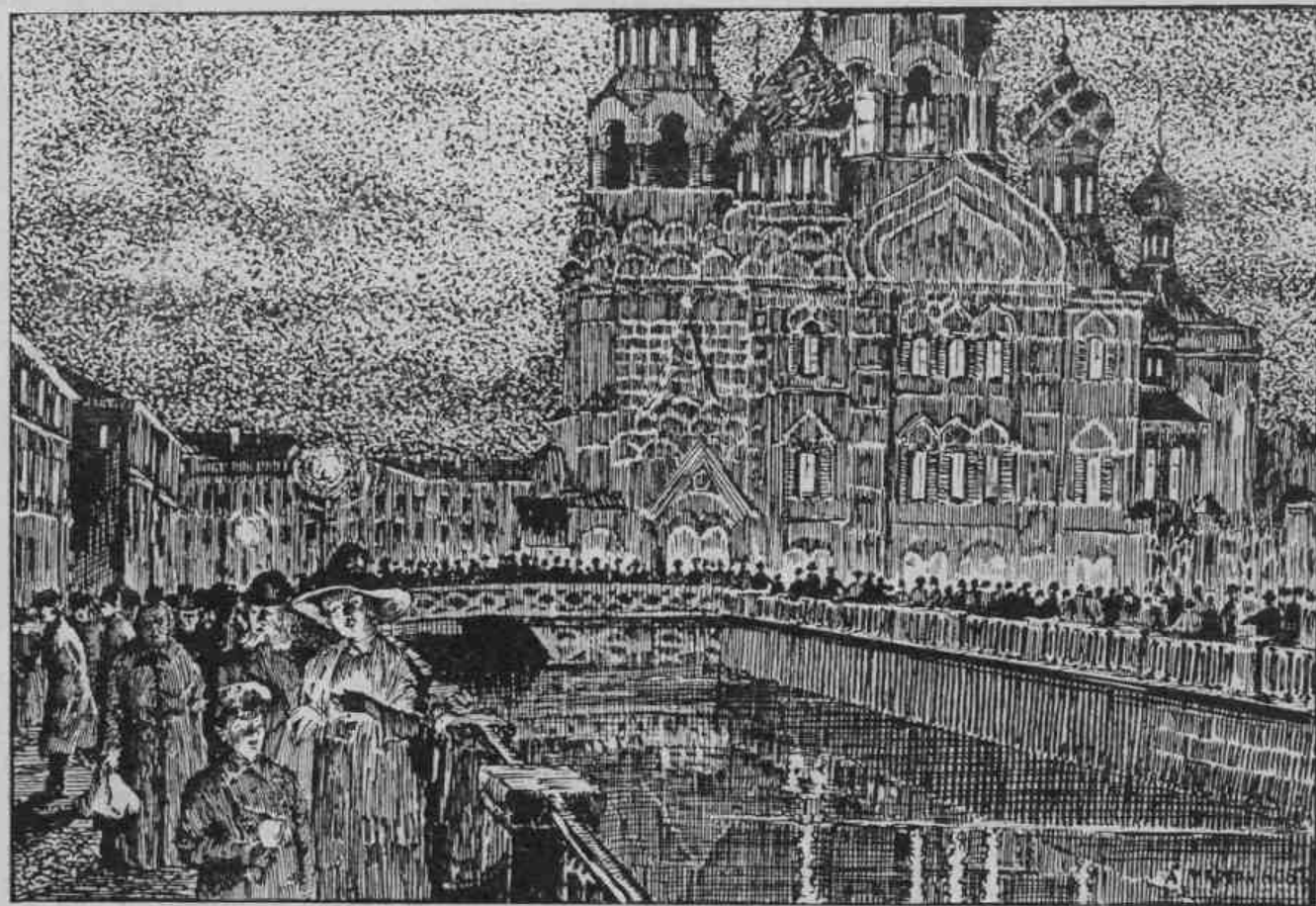
— Ея цвѣтъ! Ея ужасный, яркій, рѣзкій цвѣтъ! Цвѣтъ неба, незабудокъ, дѣтскихъ

жающему, чѣмъ эта кричащая голубая краска, любимый цвѣтъ вульгарныхъ натуръ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — сказала принцесса. — Правда, дорогая птичка, мы должны стремиться къ совершенствованію!

И Голубую Птицу окрасили въ сѣрый цвѣтъ.

Но на утро, когда принцесса подошла къ клеткѣ, она увидѣла Голубую, то-есть уже теперь Сѣрую Птицу лежащей безъ дыханія на полу клетки. На сѣрой грудкѣ ея, какъ темныя рубины, алѣли капли алой крови: птица насмерть убила въ острый пруть клетки, который сломала своимъ крѣпкимъ клювомъ. Король пришелъ и за-

ПОСЛѢ СВѢТЛОЙ ЗАУТРЕНИ У ХРАМА ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА (СПАСА-НА-КРОВИ)
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Рисунокъ для журнала „Огонекъ“ художника А. В. МАРТЫНОВА.

взя я тебѣ не позволю держать у себя эту птицу! И король ушелъ, сильно хлопнувъ дверью. А принцесса подошла къ клеткѣ и сказала:

— Прости, дорогая птичка, но надо тебѣ замолчать: ты видишь — иначе нельзя!

И Голубая Птица перестала пѣть.

Съ тѣхъ поръ все рѣже и рѣже останавливалась принцесса у клетки, чтобы мелькомъ приласкать и полюбоваться замолкнувшей птицей. А полюбоваться было чѣмъ: крылья Голубой Птицы были ярко голубыя, какъ безоблачное небо, какъ озеро у подножія Альпъ въ майскій день, какъ незабудки у рѣки и генціаны въ горахъ. Голубой цвѣтъ торжественно и, казалось, пѣлъ о радости и юности, даже когда птица молчала. И сіялъ, какъ кусочекъ неба, случайно упавшаго на землю и плѣвшаго въ покояхъ высокой башни.

глазъ, — банальный до отчаянія! Посмотрите, принцесса, неужели вы, съ вашимъ утонченнымъ вкусомъ, не видите, какъ онъ идетъ въ разрывъ со всѣми спокойными тонами старинныхъ гобеленовъ, вышитыхъ тканей, облагоустроенной ибѣи позолоты въ вашихъ покояхъ! Полюбуясь, усталая, увидающая красота, — вотъ сдѣленіе современнаго искусства. Я уже не говорю о томъ, что этотъ яркій цвѣтъ совершенно не идетъ къ вашей ибѣи красотѣ, и убиваетъ цвѣтъ вашихъ глазъ!

— Неужели? — спросила изумленная принцесса.

— Да, все тускѣетъ при немъ! Позвольте мнѣ исправить природу — въ этомъ вѣдь и есть задача настоящаго художника. Я изобрѣлъ чудную краску: въ ней матовый отливъ сѣраго жемчуга, дыма предразсвѣтнаго тумана и поэзія осеннихъ сумерекъ. Она гораздо болѣе пойдетъ ко всему окру-

стать принцессу горько плачущей, съ мертвой птицей на козняхъ.

— Я такъ любила ее! — рыдала принцесса.

— Не плачь, не убивайся такъ, моя дорогая, — сказалъ король. — Мы позволимъ самому лучшему набивателю чучелъ во всемъ королевствѣ: твоя птица будетъ у тебя, какъ живая. И ты сможешь поставить ее у себя на полочкѣ.

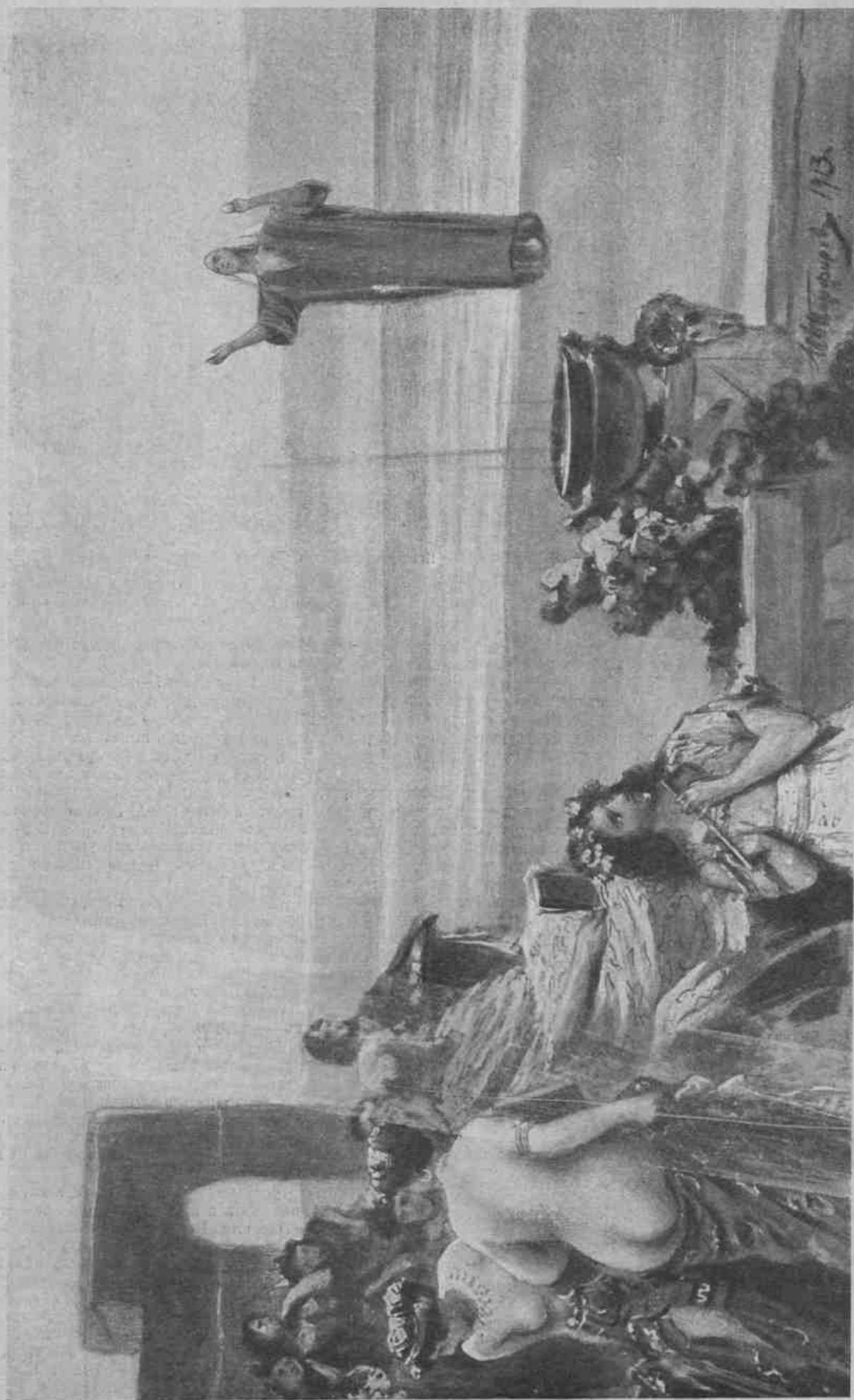
Такъ и было сдѣлано.

И вотъ — правда о Голубой Птицѣ.

М. Щенкина - Курдюкина

„Боярышня обряжает пѣехальный етопъ“.
Акварель, исполненная для журнала „Огонекъ“ проф. К. Г. МАКОВСКИМЪ.

„Св. Марія Магдалина подносить императору Тиверію красное яйцо“.

Св. равноапостольная Марія Магдалина явилась по повелению Христову отразившись на Голгофѣ, проливъ кровью своею, для спасения мира, новую жертву. Прежде всего она явилась къ Тиверію и съ необычайнымъ изумлениемъ и восторгомъ представила ему красное яйцо. Отсюда пошла истинная традиція — Христовъ Воскресъ! — подавая намъ восторгъ и радость жизни.

Весенний день

Разсказъ I. I. ЯСИНСКАГО.

Иллюстрировалъ для журнала «Огонекъ» художникъ В. СВАРОГЪ.

ПЕРЕПЕЧАТКА ВОСПРЕЩЕНА.
(Законъ 20 марта 1911 г.).

Мы забрались въ угловую комнату, гдѣ топился каминъ. Это было въ темный мартовскій вечеръ. Варвара Михайловна, всегда умѣвшая расшевелить общество, веселая и разговаривавшая, долго молчала.

— Что съ вами, Варвара Михайловна? — спросили ее.

— Наступаютъ праздники. Почки надуваются на деревьяхъ, и почти растаялъ снѣгъ, и нахлынули воспоминанія дѣтства. Мнѣ скоро, вѣдь, сорокъ лѣтъ. Какъ летитъ время!

Она вздохнула.

— Расскажите, Варвара Михайловна, что-нибудь изъ вашего дѣтства, — стали мы просить.

— Развѣ я умѣю рассказывать?

— Полюбите кокетничать, Варвара Михайловна.

— Хорошо, — вдругъ сказала она. — Я расскажу. Только позвольте мнѣ такъ сѣсть, чтобы меня не было видно, а то будетъ стыдно.

— Неужели, Варвара Михайловна, вы собираетесь рассказать что-нибудь неприличное? — спросила ее со смѣхомъ моя кузина.

— Можете успокоиться. Но, когда я въ темнотѣ и на меня не смотрятъ, воображеніе ярче. А вѣдь это такъ трудно — вызывать въ жизни прошлое. Ну, да слушайте — безъ дальнѣйшихъ предисловій.

Она сѣла поглубже въ кресло, откати-лась въ тѣнь и начала.

— Мнѣ было лѣтъ двѣнадцать. Четверть

вѣка назадъ. И тогда была ранняя весна. Мы жили на Петербургской сторонѣ. Отецъ служилъ. Я только что пришла изъ гимназій съ книжками. Мы сѣли за столъ, какъ вдругъ вошелъ отецъ, радостно-возбужденный и вскричалъ, обращаясь къ матери:

— Оленька, рѣшено. Я купилъ дачу. Рѣчка вытекаетъ въ лѣсу и раздѣляется участкомъ на двѣ половины. Большая половина не наша, но и наша хороша. Однимъ словомъ, мы съ тобой помѣстимся. Варя, слышавъ, обратилась ко мнѣ: — дача двухэтажная, у тебя будетъ своя комната, и все распределитъ. Завтра начнется ремонтъ.

Отецъ былъ такой «неожиданный», увлекающийся. И хотя мать не очень обрадова-

Мнѣ хочется праздникъ встрѣтить у себя, на новомъ мѣстѣ.

— А это далеко? — спросила мать.

— Какихъ-нибудь двадцать верстъ отъ Петербурга, и все по желѣзной дорогѣ; въ сторону версты двѣ, не больше.

Я стала собираться въ «имѣніе». Чего и только не передумала! Голова моя горѣла и была полна самыми очаровательными фантазіями о нашей дачѣ, которая представлялась мнѣ замкомъ. Но то, что ожидало меня тамъ и что пришлось мнѣ увидѣть и пережить, оказалось гораздо сильнѣе моихъ грезъ.

Нѣсколько разъ отецъ отправлялъ мебель на дачу. Лихорадка переселенія овладѣла нами. Мы укладывали картины, книги. Отецъ приобрѣлъ новую посуду, столовое бѣлье, шторы. Наконецъ, наступилъ ожидаемый день, и мы уѣхали. Было тепло, ярко свѣтило солнце. Чудесно билось сердце въ моей груди.

Несмотря на послѣднія числа марта, въ лѣсныхъ оврагахъ еще бѣжали глыбы снѣга. Березы встрѣчались рѣдко, а все больше хмурились сосны и елки. Мы перѣѣхали мостикъ, перекинутый черезъ рѣчку, которая уже тронулась. Какъ весело кричали птицы! Какъ нѣжно зеленѣла на пригоркахъ трава!

Дача была вовсе не такая величественная, какъ я воображала, судя по описаніямъ отца. Она была съ мезониномъ, это и былъ второй этажъ. Пахло сыростью, когда мы вошли. Но внутри она была выбѣлена, оклеена обоями, и полы вновь покрашены. Отецъ схватилъ меня за руку, обвелъ все наше мѣсто, показавшееся мнѣ громаднымъ, можетъ быть потому, что я не умѣла найти границу между нашимъ лѣсомъ и соседнимъ, который принадлежалъ какому-то помѣщику, жившему въ Парижѣ. Вотъ у этого помѣщика дача была совсѣмъ другая. Она стояла на возгорѣ, была каменная, съ высокой башней. Вокругъ нея было три десятины парка. Иронически складывались

Автопортретъ I. I. Ясинскаго.

Набросокъ для «Огонька».

лась покурить, — я замѣтила это по ея глазамъ, — но поцѣловала отца, а я завизжала, я искренно была счастлива.

— Когда переезжаемъ?

— Черезъ двѣ недѣли, къ празднику.

«Я упала за кустомъ орѣшника и слушала»...

Рисоваль для «Огонька» художникъ В. СВАРОГЪ.

«Милая, милая!» — вспомнила я таинственный голосъ и, словно чего-то опасаясь, сказала:

— Нѣтъ, у меня въ ушахъ не звенитъ.

— А день прекрасный! — продолжалъ отецъ. — Одивайся, и я совѣтую тебѣ взять съ собой краски, и нарисуешь мнѣ къ празднику картинку, слышишь?

И тихонько отъ матери онъ сунулъ мнѣ въ руки плитку шоколаду.

Я расцѣловала отца и бросилась въ паркъ; акварель взять съ собой забыла.

Меня жгло любопытство. Уже стало казаться, что голосъ мнѣ снился, что этого ничего не было наву. Хотѣлось проверить себя.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ только я перебѣжала мостикъ, — тутъ была дорога въ роскошную усадьбу сосѣда — я услышала сквозь веселый лепетъ ручья и весеннихъ потоковъ опять тоскующій любовный призывъ: «Милая, милая»... А когда я очутилась въ тѣсу, голосъ, казалось, погнался за мной. Я упала на пригорокъ за кустомъ орѣшника и слушала.

— Дѣвочка родная... Что же ты молчишь? Жизнь моя, жизнь... Пора... О, еще нѣсколько дней, и ты будешь моя! Посмотри на меня своими глазками. Дай мнѣ губки... Милая, милая...

Тѣ же слова, тѣ же мелодичные переливы, звенившая любовь и страстная тоска. Судорога передернула мои губы, я готова была рыдаться. Голосъ не умолкалъ — и вдругъ я увидѣла даму въ черномъ пальто и шляпѣ съ перьями — на самомъ берегу рѣки на песчаномъ выступѣ. Она стояла и протягивала руки къ моему берегу. Я не могла разглядѣть ея лица. Она показалась, однако, молодой — даже моложе мамы. И странную неловкость, и непонятный страхъ внушила она мнѣ.

Я включила и побѣжала домой.

— Краски забыла? — спросилъ отецъ. — Или волка испугалась? Волки не водятся у насъ. А хочешь вѣтчины? — вдругъ конспиративно спросилъ отецъ.

— Папа, — призналась я, прижимаясь къ нему: — какая-то дама зоветъ меня...

меня только: «Милая, милая! Посмотри на меня своими глазками, проточи свои губки!» Онъ повторялъ тѣ же слова долго и, наконецъ, совсѣмъ замеръ этотъ голосъ въ горло и щебегъ птицъ, покрывшихъ его своей безпорядочной музыкой.

Когда я вернулась, мать спросила:

— Что съ тобой? Голова болитъ?

Я рѣшила утаить приключеніе, боясь, что надо мной станутъ смѣяться; а меня и безъ того называли «фантазеркой». Мама терпѣть не могла никакихъ сказокъ и ничего таинственнаго. Она старалась трезво смотрѣть на жизнь и, въ особенности, оберегала дѣтей отъ «глупой поэзіи», — какъ она выражалась. Поэтому былъ отецъ, а мама предпочитала здравый смыслъ. Я забилась въ свою комнату, стала рисовать, пробовала читать, но все звучало въ ушахъ мелодичный голосъ: «Милая, милая»... И даже когда, опьяненная весеннимъ ароматомъ оттаявшей земли и букетомъ собранныхъ мною фиалокъ, я внезапно заснула, — этотъ голосъ и во снѣ пѣлъ въ моей душѣ...

Я раскрыла галза; мать держала у меня на лбу руку. Но, повидимому, она успокоилась и сухо сказала:

— У тебя нѣтъ никакого жара. Ты слишкомъ много бѣгаешь, и легко простудиться. Завтра изволь-ка посидѣть дома. Ступай пить чай.

Нельзя было послушаться мамани; но какъ томительнѣе былъ день, когда я должна была сидѣть на дачѣ и только изъ окна смотрѣть на пушистую зелень ивъ и березокъ, и слушать чирканье поробѣвъ и какихъ-то друтихъ птичекъ, звенѣвшихъ, какъ колокольчики.

Былъ уже страстной четвергъ. Приѣхалъ отецъ и привезъ кульки съ гостинцами и закусками. Онъ подмигнулъ мнѣ и, узнавъ, что я не выхожу, покачалъ головой.

— Нѣтъ, пусть бѣгаетъ, а то и безъ того въ городѣ она стала совсѣмъ малокровной. Не правда-ли, звенитъ въ ушахъ?

«Я потеряла сознание и упала на руки къ подоспѣвшему отцу»...

Рисоваль для «Огонька» художникъ В. СВАРОГЪ.

губы мамани, когда она выслушивала восторги отца.

Я, впрочемъ, была вся на сторонѣ отца. Боже мой! Эти деревья наши. Земля наша. Нашъ свѣтъ. Наши птицы. Онъ словно поютъ для меня, онъ разговариваютъ со мной. Я бѣгу по нашимъ дорожкамъ. Нѣсколько дней я была полна отъ новыхъ впечатлѣній, а тутъ надвигались свѣтлые праздники. Отецъ уѣхалъ въ городъ и оставилъ насъ на нѣсколько дней однихъ. Онъ собирался взять отпускъ, чтобы провести съ нами праздники и пожить потомъ на дачѣ, и окончательно ее отблать.

Промадное наслажденіе доставляло мнѣ бродить по берегу рѣки. Все это было такъ необычно, такъ странно для меня. Я выросла въ городѣ, и вдругъ кругомъ — тѣс и шумъ пробуждающейся весны. И въ груди пробуждались неясныя томленія. Теперь я на весну смотрю, какъ на нѣчто отвлеченное, а въ тѣ годы она представлялась мнѣ живымъ существомъ. Я не иначе воображала ее, какъ въ рѣкѣ изъ цвѣтовъ. Она пѣла и кричала птичьими голосами. У нея было лицо розовое, какъ заря, и руки бѣлыя, какъ березовые стволы, и зеленое платье облекало ея станъ. И она улыбалась, какъ улыбалась эта голубая рѣчка... По временамъ хотѣлось плакать отъ прилива этихъ весеннихъ томленій, охватившихъ мою душу, которой тѣсно уже становилось въ двѣнадцатилѣтнемъ тѣлѣ.

Однажды я шла, шла вдоль рѣки по песчаному берегу. Я оглянулась; кругомъ стояли незнакомыя деревья, и пѣли незнакомыя птицы. Вдругъ я услышала мелодичный голосъ съ того берега.

— Милая, милая!

Женскій голосъ. Такого голоса не было у моей мамани. Онъ былъ лучше. Онъ проникалъ въ самое сердце, — столько было въ немъ нѣжности, какой-то звенящей любви, требовавшей отклика. Я широко раскрыла глаза и стала всматриваться, но никою не видѣла, а голосъ продолжалъ:

— Дѣвочка, родная... Что же ты молчишь? Жизнь моя, жизнь... Пора! О, еще нѣсколько дней, и ты будешь моя! Посмотри на меня своими глазками, проточи свои губки. Обними меня вотъ такъ... Милая, милая...

Странный испугъ потрясъ меня. Ноги подкосились. Я стояла за кустомъ и чуть не упала. Я боялась выйти изъ-за него. Но мнѣ хотѣлось отозваться и спросить: «Что вамъ надо, кого вы зовете, какую дѣвочку, кто вы?» Внезапная болѣзненная застыбчивость помѣшала мнѣ. Я стояла, пригвожденная къ мѣсту, а голосъ становится тише, слабѣе. Уже издали доносилось до

Пасхальная памятка покойного акад. М. О. Микшина.

Съ акварели, принадлежавшей „Огоньку“.

Знаменитый скульптор и художник, веселый и жизнерадостный, до самой смерти подписывавший рисунки по юности: «Мима М.», Микшина на большие праздники посылала избран-

ных знакомых вместо внятной карточки собственноручный рисунок с подписью. Одна из таких акварелей принадлежала „Огоньку“.

Вся въ черномъ... Я такъ испугалась... и этого прибавила...

— Дама? Въ черномъ?

Я рассказала.

— Что же ей надо отъ тебя? — спросилъ отецъ. — Ты понравилась ей? Не бойся, папаше она тебѣ не хочетъ никакого зла. А можетъ быть, это весна? — спросилъ отецъ впадая въ тонъ моихъ фантазій.

— Развѣ весна въ черномъ? У весны зеленое платье...

— Подожди, а весеннія тучи... Что, если это была тучка?

— Нѣтъ, папа, дама въ черномъ.

— Эхъ? А? Весеннее эхъ?

— Папа, я ничего не говорила... Какъ же эхъ, когда оно отзывается, а не само первое начинается!

— Видишь, — весною эхъ особое, taskовое, влюбчивое. Ну, хорошо, пойдемъ со мной, — сѣлся сказалъ отецъ: — посмотримъ, что за дама пристаётъ къ тебѣ.

И привелъ отца къ тому мѣсту, откуда видѣла даму въ черномъ. Тутъ какъ разъ солнце, которое такъ ярко свѣтило все утро, погасло, — на него надвинулась туча, и отецъ шутливо сказалъ:

— Тебѣ померещилось, моя дѣвочка. Я говорилъ, — туча. Присяжь. Я посижу около тебя и покурю.

Отецъ озабоченно поглядывалъ на меня и старался развеселить.

— Ну-ка, — сказалъ онъ вдругъ, и вынулъ изъ кармана бутербродъ съ ветчиной.

Но я отказалась.

— Папа, страстная недѣля!

— Да, ты милая дѣвочка, — сказалъ отецъ. — Вотъ изъ этихъ мелочей, въ концѣ концовъ, и складывается истинный долгъ, — противорилъ онъ и самъ съѣлъ бутербродъ.

Новый мѣста тѣмъ хороши, что на первыхъ порахъ всегда они болѣе или менѣе загадочны. Дымка такой загадочности особенно густилась, благодаря дамѣ въ черномъ. Ни на другой день, ни въ субботу я уже не видѣла ее и не слышала ея голоса.

Въ великую заутреню мамаша одѣла меня въ новое коротенькое платье, которое было очень нарядно, но въ немъ я казалась себѣ совсѣмъ изленькой. Я не смѣла спорить съ матерью; это платье стѣсняло меня. Мнѣ было стыдно своихъ длинныхъ ногъ. Я томила жаккой скорѣй вырости, стать большой, чтобы носить длинное платье; и такъ была занята своими погами, что мало обращала вниманія на происходившее въ церкви, и матери показалось, что я капризничаю.

Пропѣли «Христосъ Воскресе». Мы участвовали въ крестномъ ходѣ вокругъ деревенской церкви. Потомъ отецъ взялъ меня на руки, расцѣловалъ и вывелъ за ограду. Мать съ Лусей, которая дождалась освященія пасхи и куличей, съѣла

— Милая, милая... Дѣвочка, родная! Что же ты молчишь? Жизнь моя, жизнь... Посмотри на меня своими глазами. Протани ко мнѣ свои губки. Какая ты стала большая! Блѣдный цвѣточекъ на длинныхъ стебелечкахъ! Воскресшая!.. Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе!

Она двинулась ко мнѣ, я потеряла сознание и упала на руки къ подосѣвшему ко мнѣ отцу.

Варвара Михайловна замолчала.

— Кто же была эта дама? — спросила мы ее.

— Это было привидѣние? — спросила моя кузина.

— Нѣтъ, не привидѣние, — отвѣчала Варвара Михайловна. — Строго говоря, это уже не интересно. Это была, какъ потомъ мы узнали, родственница того помѣщика, которому принадлежала роскошная дача. Или его жена. Точность въ такихъ исторіяхъ не требуется. Когда-то у нея родилась дочь и скорѣй умерла. Она сошла съ ума. Ее посетили въ паркъ въ барской обстановкѣ, въ надеждѣ, что она выздоровѣетъ, но разумъ ея былъ подавленъ горемъ, и она бродила по парку и звала дочь. Зимой она успокаивалась, погружалась въ мрачное раздумье, но какъ только начиналась весна, оживала въ ней надежда, что дочь ея воскреснетъ. И чѣмъ ближе были праздники, тѣмъ сильнѣе становилась эта увѣренность... На нашей дачѣ мы не прожили даже лѣта. Я все болѣла. Мать взяла меня и поехала въ Крымъ, а дачу отецъ продалъ. Теперь, господа, если вамъ понравился мой рассказъ — угостите меня, пожалуйста, чаемъ.

— Пойдемте, душечка, — сказала хозяйка и увела Варвару Михайловну.

А мы съ кузиной сидѣли у догорающаго каминна и думали о бѣдной дамѣ въ черномъ, о прелестной двѣнадцатилѣтней дѣвочкѣ, превратившейся въ Варвару Михайловну, и о свѣтлѣмъ праздникѣ.

И. Яковлев

„Передъ Пасхой въ старину“. — Картина И. С. Горюшкина-Сорокопудова.

Воспроизведение предоставлено авторомъ „Огоньку“.

БѢДНОЕ ДИТЯ

Рассказъ

Сергея Городецкого

Иллюстрировалъ

худ. Александровскій

ПЕРЕПЕЧАТКА ВОСПРЕЩЕНА.

(Закономъ 29 марта 1911 г.).

Если вы попадете когда-нибудь въ нашъ городъ (лучше не попадать, Богъ съ вами!), то, перейдя чугунный мостъ, пойдите внизъ по Ситной улицѣ. Тоска возьметъ васъ, сердце защемитъ, особенно, если это будетъ воскресенье (у насъ любятъ умирать по пятницамъ, чтобы хорониться въ воскресенье, и на кладбище покойниковъ возить всегда по Ситной улицѣ). По лѣвую сторону увидите вы домъ. Непременно увидите, потому что онъ замѣчательный. Во-первыхъ, въ немъ подъ трехцвѣтной вывѣской помѣщается «Союзная чайная». Вы на вывеску-то поглядите, а чайкомъ побаловаться идите отъ грѣха въ какое-нибудь другое мѣсто. Во-вторыхъ, въ немъ ворота, что у насъ рѣдкость, а на воротахъ надпись «Общество въ пользу жертвъ крамолы» и другая надпись: Редакция еженедѣльной газеты «Громъ».

Если вы дальнзорки, то можете разглядѣть на подъѣздѣ мѣдную дощечку, а если не дальнзорки, то лучше не переходить на другую сторону, у насъ такъ ужъ повелось обходить этотъ домъ. Я вамъ скажу, что на мѣдной дощечкѣ написано, всего три слова: «Петръ Смарагдовичъ Плечиковъ». Да вы можете сами увидѣть его, онъ всегда въ своемъ кабинетѣ, во второмъ этажѣ, у окна стоитъ. Ни брннетъ, ни блядинъ, такъ себѣ, рыжеватый. Онъ и чайной хозяйникъ, и общества предсѣдатель, и редакция редакторъ. Кроме всего, онъ дѣвственникъ и аскетъ, съ благословенія покойнаго архіерея. На дворѣ у него есть особый домикъ для семьи страпухи, но это никого не касается. Лѣтъ пять тому назадъ былъ онъ женихъ хоть куда, а все-таки, какъ говорится у насъ про него, «въ дѣвкахъ остался». Прелюбопытная, если вамъ досугъ выслушать, исторія.

Была у него маменька, у маменьки имѣлинышко — мажкомѣстные были они. Посылала она его въ реальное училище, да онъ какъ до физики дошелъ, такъ и отказался идти дальше: религиознымъ очень былъ. Маменька своевременно померла, имѣние ему отказала и завѣщаніе оставила. Въ завѣщаніи приказано было, помимо всего прочаго, отворить бюро и достать оттуда ящичекъ и письмо. Въ ящичкѣ оказались слѣдующихъ три предмета. Кусочекъ старинной, не то синей, не то зеленой, шелковой матеріи; пучекъ женскихъ волосъ, цѣлаго, извините за выраженіе, цѣнта; и длинная нитка, довольно-таки истѣвшая. Въ письмѣ же было приказаніе немедленно жениться на любой мѣстной дѣвицѣ, у которой глаза будутъ цѣнта матеріи, воло-

са — подходящія къ образчику, и ростъ по размѣру нитки. Если же не найдется такой, то лучше не жениться вовсе, чѣмъ портить порогу и разводить потомство не-вѣдомой масти.

Петенька Плечиковъ сначала запрыгалъ отъ радости. Весь утѣхъ переполошился вмѣстѣ съ нимъ, смута пошла по умамъ, въ пивныхъ сомнѣніи, парикмахеры шибко краской торговать стали.

Прежде всего, Петенька поѣхалъ, свататься къ предводителю.

Дочка его еще теперь отплевывается на балахъ, можете посмотреть. Изъ себя красавица, волосы воронова крыла, глаза черныя, носъ курносый, низенькая и толстая, лабазникъ одитъ на нее зарится, да отецъ пока не отваетъ, потѣмъ отваетъ, конечно.

Петенька, какъ увидалъ ее, такъ и со-мѣлся:

— Вотъ, — говоритъ, — предметъ, поистинѣ меня достойный: еще въ реальномъ будучи, такихъ во снѣ выдвигалъ.

Предводительская дочка тоже азартъ вошла: и къ ролю играть, и своимъ горломъ пѣть, и вышиваніе показывать, — такъ и кидается.

Совсѣмъ слюбился, вдругъ нахмурился Петенька, вытаскиваетъ ящичекъ и достаётъ изъ него образчики, по которымъ невѣсту выбирать долженъ.

Приложилъ онъ волосы изъ ящичка къ ея волосамъ: не подходитъ. Судите сами: цѣпій цѣпъ и воронова крыла цѣпъ, — словно дохлая мышь на черномъ бархатѣ.

«Да вы можете сами увидѣть его, онъ всегда въ своемъ кабинетѣ, во второмъ этажѣ, у окна стоитъ».

Рисоваль для «Огонька» художникъ
А. АЛЕКСАНДРОВСКІЙ.

Предводительша кинулась смотрѣть: — Ахъ, — говоритъ, — Петръ Смарагдовичъ! Вы представитъ не можете, какъ цѣпъ волосъ выплѣвается. Ну, конечно, образчикъ побурѣлъ отъ времени, а былъ онъ чернымъ, какъ Богъ святъ, былъ онъ чернымъ!

Петенька, говорятъ, на такіе слова ея очень сердито попросилъ не оскорблять памяти его матери и сталъ глаза невѣсты съ шелковой тряпочкой сличать.

Не то синія, не то зеленая была тряпочка, а глаза совсѣмъ черныя.

Петенька сличалъ и нахмурился. И невѣста являлась, и завѣщаніе нарушать нѣтъ возможности. Увидѣвъ его смущеніе, предводительша опять напирала стала.

— Это у нея отъ волненія глаза потемнѣли. Да вы посмотрите на мои глаза! Точь въ точь, какъ ваша тряпочка! А вѣдь она инѣ дочь. Значитъ, и у нея глаза такіе же должны быть.

Петенька попросилъ спички и свѣчку и подпалилъ такъ, говорятъ, на одномъ глазу рѣсницы, разглядывая цѣпъ его.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ рѣшительно. — Если и ростъ не подойдетъ, тогда дѣлу конецъ.

Вынулъ нитку, разложилъ на коврѣ, смѣрилъ аршинами и вершиками, на двери отыгнулъ сдѣлать, подвелъ невѣсту — въ полтора раза короче.

— Да вѣдь нитка истѣла! — закричала предводительша. — Смотрите, порвалась. Наверно, ваша матушка запасную положила, и ростъ какъ разъ подойдетъ.

Дѣтское воспоминаніе, — важно провозгласилъ Петенька. — Моя маменька дѣвнѣ такого роста, какъ ваша дочка, всегда карательками звать изволила и говорила, что не только въ жены брать, но и въ сунѣ крошить мнѣ не сунѣтутъ, потому что длинная морковь куда красивѣе и вкуснѣе.

Послѣ этого вышелъ разговоръ въ родѣ какъ бы ссоры, и Петенька Плечиковъ поѣхалъ дальше искать невѣсту.

— Бѣдное дитя! — сказала про него предводительша, вытирая слезы. Съ тѣхъ поръ и прилипло къ нему это прозваніе: бѣдное дитя, да бѣдное дитя — нѣкто имени ему нѣтъ у насъ.

Была у насъ, — надо вамъ сказать, — сирота, чья — неизвѣстно. Возили ее въ институтъ на дворянскія средства, да при-

«Игуменья сердиться начала: — Что это, — говорить, — вы словно кобылу кь масти подбираете!

Рисоваль для «Огонька» художник А. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ.

исали обратно за неспособностью. Жила она при монастырь въ родѣ послушницы, и постепенно впала въ слабоуміе. Замѣчательныя у нея глаза были: голубые, словно лѣтнее небо, и кроткіе, какъ у святого. Надоумилъ кто-то Петеньку кь ней свататься похотѣть. Въ монастырь-то еще помнили его уать, приняли, какъ слѣдуетъ. Игуменья сама вывела кь нему голубоглазую сиротку. Слышала, что свататься прѣхалъ, а какъ Петенька сватается, еще не знала. Какъ пошелъ онъ свои примѣры примѣривать! Тряпочку, чтобъ лучше слышать было, кь волосамъ у лба прикололъ, а пучекъ волосъ — кь концу косы: подскокить, — рассказывали у насъ, — посмотреть и назадъ отскочить. Игуменья сердиться начала:

— Что это, — говорить, — вы словно кобылу кь масти подбираете! Чѣмъ это, — говорить, — вы сиротку мою увѣшали?

Побурчать побурчала, а отказать сама не посмѣла; сдѣлала двѣ записки, положила за икону и велѣла сиротѣ вынимать.

А Петенька въ восторгѣ: все пошло. И какъ это онъ допустилъ записку вынимать! Видъ совсѣмъ другой, можно сказать, его биографія вышла бы. Сиротка придурковата была, жили бы себѣ, какъ все, да толстѣли бы въ счастье своемъ. Да, видно, не судила судьба. Вынула сиротка записку, на которой написано было, что не выходить ей замужъ за означеннаго человека.

Три дни убивался Петенька, не зная никто, чѣмъ утѣшить. Наконецъ, объявилъ онъ, что принять новое и послѣднее рѣшеніе, а если и теперь дѣло не выгоритъ, тогда пропадай все. Очень тогда все въ городѣ были имъ заинтересованы. Чуть на улицѣ скандальника какой, городской тамъ бабу бьетъ или извозчикъ прѣхалъ, — ну, думаютъ, — бѣдное дитя невѣсту выбираетъ.

Однако, Петенька больше нецѣли въ молчаніи пролесть, готовился.

Долженъ я вамъ сказать, что базара у насъ по постнымъ днямъ не бываетъ, кромѣ

того, вторникъ загулянымъ днемъ считается, да и послѣ всякаго праздника тоже базара не быва-етъ, такъ что иной разъ чуть-ли не недѣля безъ базара пройдетъ. Такъ было и теперь, когда Петенька отсиживался.

Наступилъ базарный день. Народу много вышло и погулять, и продавать: запасы израспились, товары застоялись. Вышелъ и я, грѣшныи дѣломъ, потолкаться.

Смотрю: Петенька идетъ, и лица на немъ итъ отъ рѣшимости.

Ну, думаю, быть бѣдѣ.

Только это прошесть я кь горшечному ряду слышу — крикъ.

Бѣгу, протолкался, вѣжу:

стоитъ бабенка молодая съ пѣтуномъ, сама не своя отъ страха, а Петенька ей лоскутокъ кь лицу прикладываетъ. Истиннымъ голосомъ кричитъ бабенка:

— Ой, люди добрые, спасите! Порчу чужой накладываетъ!

Кричитъ, а сама на Петеньку пѣтуна своего наставляетъ, чтобъ онъ его клюнулъ.

— Ой, люди добрые, добжите до мужа съ картошкой стоять!

Тѣмъ напугалась, видно, что съ мѣста сойти не можетъ.

А Петенька, цѣвъ глаза сличивши съ лоскутомъ, досталъ пучокъ пѣ-тиныхъ волосъ, и съ нимъ кь бабѣ лѣзетъ.

Тутъ народъ не выдержалъ, пошли догадки, да крики:

— Залцую лашку досталъ?

— Чертенячій хвостикъ!

— Вѣдьмина бородавка!

— Тыфу ты, пакость какая!

— Съ нечистью кь женскому лику лѣзешь!

— Поганецъ какой!

— Да въ морду ему!

Какъ разъ тутъ подоспѣлъ мужъ молодой и двинулъ Петеньку со всего маху.

Бываютъ, конечно, безпричинныя драки, но это была драка съ причиною: били и бабы, и дѣды, и мужики, и мальчешки. Юродивый Гриня заткнулъ, было, отходную, да тутъ подоспѣла полиція, выручила бѣдное наше дитя изъ бѣды. И въ слезахъ, и въ крови, и въ грязи, и въ навозѣ были женныхъ, да не о томъ горевать, а о томъ, что отъ завѣщанныхъ на-тушкиныхъ примѣтъ ни сѣла, ни запаха не осталось.

Толковъ было много по городу: кто жалѣлъ, кто смѣялся.

Петенька словно въ воду канулъ на цѣлый мѣсяць. Стали забывать о немъ

попемпогу. Потомъ прошесть слухъ, что кь архіерею ѣздилъ онъ благословляться на безбрачную жизнь. А нашъ архіерей на всю Россію тогда первымъ патриотомъ былъ. Сманилъ онъ Петеньку продать имѣніе и домъ на Ситной улицѣ купить, и пачать, значить, дѣйствовать. Время-то, сами помните, какое было. Въ гору пошелъ Петенька. Сегодня одну выѣску повѣситъ, завтра другую, сегодня чайную откроетъ, завтра редакцію. Лицо у него зажило, только на щеки шрамики остались. Рѣчи онъ все пытался изъ окошка говорить, да не выходило никакъ. На бумагахъ еще, куда ни шло, составилъ статью. Впрочемъ и тутъ онъ больше вопросительную форму предпочитаетъ. «А правда-ли, — напримеръ, — что въ мужскомъ монастырѣ на дворѣ подкинутымъ двухнедѣльнымъ младенцемъ оказался?»

Не знаю, какъ въ другихъ городахъ, а у насъ скоро патриоты на пѣтъ сошли. Всѣ выѣски цѣлы, а внутри — запустѣніе. Можно сказать, одинъ Петенька остался, бѣдное дитя наше. Онъ характеромъ въ мать, порывистый, да упорный, что задумалъ, отъ того не отстанетъ.

Каждый день, каждый часъ у окна видѣть его можно. Стоитъ, смотритъ и думаетъ. Не много, конечно, увидишь изъ его окошка, хоть и во второмъ этажѣ оно: булочная видна, да крыша, да труба на ней и дымъ, когда онъ идетъ, потомъ вороны да воробьи, ничего больше. А о чѣмъ думаетъ Петенька, никому неизвѣстно. Только иной разъ смотришь, смотришь, и тоска возьметъ. Особенно, весной или осенью: грязь непролазная, съ кладбища тѣніемъ несетъ, а тутъ еще бѣдное дитя, Петенька нашъ, стоитъ истуканомъ. Я думаю, онъ, въ концѣ концовъ, столпникомъ сдѣлается, или въ землю себя до головы тутъ же на Ситной зароетъ. Какъ ваше мнѣніе? Впрочемъ, надо сначала посмотреть, а потомъ мнѣніе возымѣть. Прѣзжайте, посмотрите...

Смотрю: Петенька идетъ, и лица на немъ итъ отъ рѣшимости. Ну, думаю, быть бѣдѣ. Только это прошесть я кь горшечному ряду слышу — крикъ. Бѣгу, протолкался, вѣжу: стоитъ бабенка молодая съ пѣтуномъ, сама не своя отъ страха, а Петенька ей лоскутокъ кь лицу прикладываетъ. Истиннымъ голосомъ кричитъ бабенка: — Ой, люди добрые, спасите! Порчу чужой накладываетъ! Кричитъ, а сама на Петеньку пѣтуна своего наставляетъ, чтобъ онъ его клюнулъ. — Ой, люди добрые, добжите до мужа съ картошкой стоять! Тѣмъ напугалась, видно, что съ мѣста сойти не можетъ. А Петенька, цѣвъ глаза сличивши съ лоскутомъ, досталъ пучокъ пѣтиныхъ волосъ, и съ нимъ кь бабѣ лѣзетъ. Тутъ народъ не выдержалъ, пошли догадки, да крики: — Залцую лашку досталъ? — Чертенячій хвостикъ! — Вѣдьмина бородавка! — Тыфу ты, пакость какая! — Съ нечистью кь женскому лику лѣзешь! — Поганецъ какой! — Да въ морду ему! Какъ разъ тутъ подоспѣлъ мужъ молодой и двинулъ Петеньку со всего маху. Бываютъ, конечно, безпричинныя драки, но это была драка съ причиною: били и бабы, и дѣды, и мужики, и мальчешки. Юродивый Гриня заткнулъ, было, отходную, да тутъ подоспѣла полиція, выручила бѣдное наше дитя изъ бѣды. И въ слезахъ, и въ крови, и въ грязи, и въ навозѣ были женныхъ, да не о томъ горевать, а о томъ, что отъ завѣщанныхъ на-тушкиныхъ примѣтъ ни сѣла, ни запаха не осталось. Толковъ было много по городу: кто жалѣлъ, кто смѣялся. Петенька словно въ воду канулъ на цѣлый мѣсяць. Стали забывать о немъ

попемпогу. Потомъ прошесть слухъ, что кь архіерею ѣздилъ онъ благословляться на безбрачную жизнь. А нашъ архіерей на всю Россію тогда первымъ патриотомъ былъ. Сманилъ онъ Петеньку продать имѣніе и домъ на Ситной улицѣ купить, и пачать, значить, дѣйствовать. Время-то, сами помните, какое было. Въ гору пошелъ Петенька. Сегодня одну выѣску повѣситъ, завтра другую, сегодня чайную откроетъ, завтра редакцію. Лицо у него зажило, только на щеки шрамики остались. Рѣчи онъ все пытался изъ окошка говорить, да не выходило никакъ. На бумагахъ еще, куда ни шло, составилъ статью. Впрочемъ и тутъ онъ больше вопросительную форму предпочитаетъ. «А правда-ли, — напримеръ, — что въ мужскомъ монастырѣ на дворѣ подкинутымъ двухнедѣльнымъ младенцемъ оказался?»

Не знаю, какъ въ другихъ городахъ, а у насъ скоро патриоты на пѣтъ сошли. Всѣ выѣски цѣлы, а внутри — запустѣніе. Можно сказать, одинъ Петенька остался, бѣдное дитя наше. Онъ характеромъ въ мать, порывистый, да упорный, что задумалъ, отъ того не отстанетъ. Каждый день, каждый часъ у окна видѣть его можно. Стоитъ, смотритъ и думаетъ. Не много, конечно, увидишь изъ его окошка, хоть и во второмъ этажѣ оно: булочная видна, да крыша, да труба на ней и дымъ, когда онъ идетъ, потомъ вороны да воробьи, ничего больше. А о чѣмъ думаетъ Петенька, никому неизвѣстно. Только иной разъ смотришь, смотришь, и тоска возьметъ. Особенно, весной или осенью: грязь непролазная, съ кладбища тѣніемъ несетъ, а тутъ еще бѣдное дитя, Петенька нашъ, стоитъ истуканомъ. Я думаю, онъ, въ концѣ концовъ, столпникомъ сдѣлается, или въ землю себя до головы тутъ же на Ситной зароетъ. Какъ ваше мнѣніе? Впрочемъ, надо сначала посмотреть, а потомъ мнѣніе возымѣть. Прѣзжайте, посмотрите...

Смотрю: Петенька идетъ, и лица на немъ итъ отъ рѣшимости. Ну, думаю, быть бѣдѣ. Только это прошесть я кь горшечному ряду слышу — крикъ. Бѣгу, протолкался, вѣжу: стоитъ бабенка молодая съ пѣтуномъ, сама не своя отъ страха, а Петенька ей лоскутокъ кь лицу прикладываетъ. Истиннымъ голосомъ кричитъ бабенка: — Ой, люди добрые, спасите! Порчу чужой накладываетъ! Кричитъ, а сама на Петеньку пѣтуна своего наставляетъ, чтобъ онъ его клюнулъ. — Ой, люди добрые, добжите до мужа съ картошкой стоять! Тѣмъ напугалась, видно, что съ мѣста сойти не можетъ. А Петенька, цѣвъ глаза сличивши съ лоскутомъ, досталъ пучокъ пѣтиныхъ волосъ, и съ нимъ кь бабѣ лѣзетъ. Тутъ народъ не выдержалъ, пошли догадки, да крики: — Залцую лашку досталъ? — Чертенячій хвостикъ! — Вѣдьмина бородавка! — Тыфу ты, пакость какая! — Съ нечистью кь женскому лику лѣзешь! — Поганецъ какой! — Да въ морду ему! Какъ разъ тутъ подоспѣлъ мужъ молодой и двинулъ Петеньку со всего маху. Бываютъ, конечно, безпричинныя драки, но это была драка съ причиною: били и бабы, и дѣды, и мужики, и мальчешки. Юродивый Гриня заткнулъ, было, отходную, да тутъ подоспѣла полиція, выручила бѣдное наше дитя изъ бѣды. И въ слезахъ, и въ крови, и въ грязи, и въ навозѣ были женныхъ, да не о томъ горевать, а о томъ, что отъ завѣщанныхъ на-тушкиныхъ примѣтъ ни сѣла, ни запаха не осталось. Толковъ было много по городу: кто жалѣлъ, кто смѣялся. Петенька словно въ воду канулъ на цѣлый мѣсяць. Стали забывать о немъ

«Стоитъ бабенка молодая съ пѣтуномъ, сама не своя отъ страха, а Петенька ей лоскутокъ кь лицу прикладываетъ».

Рисоваль для «Огонька» художник А. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ.

то кь
и на
на всю
быль.
ние и
ачать.
и пом-
енка.
автра
завтра
ко на
е пы-
ходило
ю, со-
боль-
тасть
муж-
утымъ

ихъ, а
и. Веѣ
Мож-
бдно
норо-
того

на ви-
и ду-
зъ его
о: бу-
ней и
ны да
масть
ивой
меть.
непрот-
тъ, а
у, сто-
концѣ-
ли въ
итной
ь, на-
нѣнне

сама
утокъ

нѣ

Иллюстрировалъ для «Огонька» АВТОРЪ.

ПЕРЕПЕЧАТКА ВОСПРЕЩЕНА.

(Законъ 20 марта 1911 г.)

1.
читель русского язы-
ка и словесности въ
гимназій моего род-
ного города Модестъ
Яковлевичъ Карповъ
пригласилъ меня ре-
петировать его сына
Жоржика.

О платѣ онъ не
упоминалъ и сдѣлать
это по деликатности.
Всѣ Карповы были
необыкновенно дели-
катные люди и гово-
рить о деньгахъ для нихъ было мученіемъ.

Когда въ домѣ бывалъ докторъ и надо было
платить за визитъ, Модестъ Яковлевичъ
долго шептался съ женой гдѣ-нибудь въ
углу, и Елизавета Ивановна всовывала па-
кетикъ съ деньгами въ руку доктора такъ,
словно сбывала краденое.

Жить у Карповыхъ было покойно. Меня
помѣстили на мезонинѣ въ комнатѣ съ
большимъ окномъ; домъ стоялъ на берегу
рѣки, и прямо противъ него, на той сторонѣ,
выдѣлся Иваново-Богословскій монастырь.
По утрамъ и послѣ обѣда въ пять часовъ
оттуда доносился величественный звонъ,
медленный, тугій и такой увѣренный, что
становилось грустно... Этотъ звонъ необы-
чайно подходилъ къ жизни Карповыхъ.
Здѣсь все было тихо, въ гостиной негром-
кими голосами и даже Жоржикъ, мой
ученикъ, и тотъ никогда не смѣлся, ка-
жется...

Когда мнѣ надоѣдало сидѣть наверху, я
шелъ въ гостиную, необитаемую комнату
съ массой фикусовъ у оконъ, разсматривалъ
альбомы съ фотографіями гимназистовъ, по-
томъ заглядывалъ въ комнату Вѣры. Въ томъ
пакѣ повѣшены картины, какъ стоятъ бездѣ-
лушки на столѣ, какъ лежатъ открытки въ
альбомахъ, — чувствовалась обдуманность.
Какой-то особенной опрятностью вѣдало отъ
кружевныхъ наклеекъ на подушкахъ узкой
кровать, отъ темно-красныхъ ленточекъ и
бантиковъ на нихъ... Вѣра была брюнетка и
въ ней шло красное, но отбывалась она
скромно и не ярко.

Я былъ одинокъ, жилъ безпорядочно, и
теперь мнѣ было стыдно за свои молодилъ
ошибки, за вольность холостой жизни. Здѣсь
была чистота, и каждая вещь въ этой
комнатѣ говорила о ней скромнымъ и за-
стѣнчивымъ языкомъ.

Передъ вечеромъ я занимался часа полто-
ра съ Жоржемъ, потомъ пилъ чай. Мо-
дестъ Яковлевичъ, прохаживаясь по столо-
вой, рассказывалъ что-нибудь и время отъ
времени обращался къ жентъ:

— Какъ его звали, мама? Вадимъ Петро-
вичъ, кажется? Или нѣтъ, Вадимъ Николае-
вичъ, ты должна помнить, мама...

И рассказывалъ онъ всегда о гимназистахъ,
объ учителяхъ и циркулярахъ...

Въ такіе вечера мы съ Вѣрой шли
въ темную гостиную и, присѣвъ на малень-
кій диванчикъ, говорили. Я зналъ ее давно,
когда самъ былъ еще мальчикомъ — она была
старше меня на три года — зналъ всю ее
жизнь, но теперь долго не видѣлъ ее, и отъ
этого ее черные матовые глаза казались не-
знакомыми, а голосъ звучалъ чуждо.

Ей было двадцать семь лѣтъ, но впечат-
лѣніе она производила почти дѣвочки — за-
стѣнчивой и смущающейся. Меня все-
гда трогала ее наивная безпомощность,
какая-то робость, не позволявшая ей чего
либо требовать или добиваться. Она кончи-
ла гимназію, потомъ курсы, прожила пять
лѣтъ одна въ большомъ городѣ, но когда
переходила улицу, чуть-чуть опустивъ
голову и краснѣя оттого, что на нее смо-
трятъ, мнѣ казалось, что она никогда не
выходила одна изъ стѣн квартиры. И, мо-
жетъ быть, отъ этой несмѣлости, отъ скром-
ности жизни ее была какъ-то по осо-
бенному грустно, неудачно и будила жа-
лость...

— Вы опять читали? — спрашивалъ я не-
громко, чтобы не мѣшать говорившимъ въ
столовой.

— Да, все время... Чтеніе — это все, что у
меня есть... Когда читаешь, такъ хочется
жизни, дѣятельности...

— Чего же?

— Я съ удовольствіемъ работала бы на
переселеніи, гдѣ-нибудь, вообще хотѣла бы
быть полезной...

— Что же мѣшаетъ?

— Ахъ, что вы говорите... А папа, ма-
ма?.. Нѣтъ, гдѣ же...

Когда съ Жоржемъ не надо было зани-
маться, мы ходили съ Вѣрой гулять. Коло-
кола печально перезванивали, напоминая о
чемъ-то безвозвратно утраченномъ, высо-
кое небо догорало послѣднимъ отблескомъ
злата, лужицы похрустывали подъ ногами,
и было много трогательной грусти въ уми-
раніи дня. Тоненькія вѣточки деревьевъ про-
тягивали вверхъ свои едва раскрышіяся
почки; легкія перистыя облака скользили
надъ силуэтомъ старой башни, деревянные
домики предвѣстия выжидательно смотрѣли
своими слѣпыми окнами, и все ждало весны,
пробужденія, праздника... Но большой собер-
ный колоколъ глухо и скорбно стоналъ надъ
всѣмъ городомъ, закатъ напряженно крас-
нѣлъ, обѣдая на завтра вѣтренный, мороз-
ный день, и въ вѣчную бѣдность, вѣчную

темноту были погружены доминантныя пред-
мѣстья...

Вѣра оборачивалась ко мнѣ, говорила о
томъ, что жизнь страшна, что она не пони-
маетъ, какъ можно смѣяться, когда кругомъ
такъ много страданій и такъ все непонятно,
что вся ее юность протекала подъ страшнымъ
гнетомъ, отъ котораго она до сихъ поръ не
можетъ отбѣлаться — а я бралъ ее руку, за-
глядывалъ въ матовые печальные глаза и
слегка пожималъ тонкіе безсильные
пальцы...

И говорилъ, стараясь пробудить въ себѣ
ее настроеніе:

— Да, жизнь тяжела... но надо вѣрить
въ людей, надо вѣрить, Вѣра...

И вздыхалъ, какъ будто вся мировая
скорбь легла на мои слабыя плечи...

А ночью, во снѣ, я видѣлъ печальныя,
вопросительно-уставленные на меня глаза,
размотавшіяся волосы — и какъ будто мы ку-
да-то идемъ безконечной дорогой, и я дол-
женъ помогать ей, а силъ у меня нѣтъ и
мнѣ страшно... Страшная жалость сжимала
сердце, налегала на мозгъ давящимъ чам-
немъ, и я стоналъ... А проснувшись, я подол-
гу думалъ о Вѣрѣ, о ее безпомощности, ел
чистотѣ... Мнѣ было тяжело, потому что
нельзя поднять на свои плечи все, что жа-
лѣешь, и изъ всякаго другого дома я про-
сто ушелъ бы... Но скромная порядочность
всѣхъ Карповыхъ, ихъ заботливость обо
мнѣ, ихъ вниманіе — накладывали какую-то
обязанность, смутную и тяжелую...

И, закутывая пальто, я тяжело нады-
халъ и бормоталъ:

— Ну что-жъ? Вѣра — рѣдкій человѣкъ,
такая чуткая душа...

II.

Передъ Пасхой, какъ передъ всякимъ
большимъ праздникомъ, провинціальныя го-
рода оживаютъ. Старые дома оживаются
по вечерамъ, на молчаливыхъ улицахъ зву-
чатъ молодые голоса, какъ солнечный лучъ
въ пыльной комнатѣ, вспыхиваетъ молодой,
дразгивающій смѣхъ... Это събѣзжается моло-
дежь, со всякихъ институтовъ, курсовъ,
академій...

И все незаметно измѣняется, какъ будто
чаще выжидываетъ солнце, доверчивѣе
раскрываютъ почки деревья, и начинается
вѣрится въ весну, самую настоящую, что
не сегодня-завтра придетъ, затопитъ улицы
журчащими ручьями, сдвинетъ остатки
слежавшагося снѣга, поломастъ ледъ на
рѣкѣ...

Какъ-то вечеромъ я сѣлъ, вникъ въ
чаю и увидѣлъ въ столовой молодую дѣ-
вушку. У нея были свѣтлые волосы и сѣ-
рые глаза, и посмотрѣла она на меня ими

«...Вечером мы уходили в темную гостиную...»

Иллюстрировал для журнала «Огонек» В. МУЙЖЕЛЬ.

так, что я чуть не спотыкнулся на ковёр. Она поздоровалась и продолжала начатый прежде разговор:

— Что вы так удивляетесь, что я еду в Швейцарию? Я хочу быть самостоятельной, ни от кого не зависеть... А ты, — обратилась она к Вэре, — по-прежнему все читаешь?

— Да, я читаю... — опустила глаза, ответила Вэра.

— О, Господи... — протинула девушка, и, чуть-чуть усмехаясь, посмотрела на меня. — И толщина же, я думаю, мариновать так себя...

Елизавета Ивановна предложила ей еще чаю, о чем-то заговорила, что-то спросила. Девушка отвечала свободно, часто смеялась, и тогда всем почему-то было весело. Должно быть оттого, что глаза ее в это время искрились, а мягкий, не совсем правильной формы нос слегка морщился. В одиннадцатом часу она собралась уходить, я предложил проводить ее.

— Зачем же меня провожать? Разве тут разбойники? — засмеялась она в то время, как Вэра нахмурилась и отвернулась.

— Ну, мало-ли, что, — пьяный приста петь, — сказала Елизавета Ивановна.

— Ну, ко мне не приставайте, я не даром футболистка, у меня мускулы...

Вечер был тихий и теплый. Большие живые звезды шевелились в черном небе, и воздух был, как кричкое, острое вино. Я шел рядом с ней и слышал, как она дышит — глубоко и ровно.

— Послушайте, — начала она, — вы давно знакомы с Карповыми?

Я сказал, что знаю их с детства, но последнее время видеть редко и мало.

— Прекрасные они люди, интеллигентные, порядочные в высшей степени, но Бог мой, ведь это смерть, живая смерть, прямо...

— То-есть, как это — смерть? — не понял я.

— Так, настоящая смерть... Они живут, как будто завтра готовы представиться кончиной мирной и востышной... Этот несчастный Модест Яковлевич со своими бесконечными тетрадами, Елизавета Ивановна... А потом, Вэра — простите — вы не влюблены? Ну так можно говорить — Вэра!.. Бог мой!.. Я безумно рада, что родилась чуть не на десять лет

позднее ее... Это покаяние прямо проклятое Богом...

— Я не совсем понимаю вас... — начал было я.

— Вот поживите подольше и поймете...

— Но она уже бжала в калитку и кричала: — Я вапишу, я вапишу!..»

Иллюстрировал для журнала «Огонек» В. МУЙЖЕЛЬ.

Когда-то мы были очень близки с Вэрой, но потом разошлись... Да и уехала я... Но было время, когда она каждый день приходила ко мне и жаловалась на то, что жизнь — бессмысленная жестокость, что она не педагог, что жить не для чего... Она и меня чуть с ума не свела!.. А в конечном счете все скверно и плохо оттого, что нет удовлетворения ее горю...

— Ну, помилуйте, какой эгоизм?.. Ну, известная не приспособленность, наивность, но эгоизм...

— Повторите, я лучше вас знаю — самый настоящий эгоизм... Вэра — это солнце, а все домашние только спутники. Если нужно вдруг было бы достать Вэру жениха, я уверена, что папа и мама озабочились бы этим и предоставили ей... Я уважаю стариков, они милые люди, но...

— Понимаете, — продолжала она, когда мы стояли уже у ее дома, — она даже не виновата в этом... Когда она училась, жизнь переменилась: она хотела идти со всеми и не было смелости, яркого желания, силы... Молодежь увлекалась революцией, она сочувствовала, потому всех разослала и расцедила — она осталась одна... В сущности ее действительно жалко, потому что она прошла как-то обделу жизни, не захватив ее...

— Вы скоро уезжаете? — спросил я, когда мы прощались.

— Скоро!.. А вы вот что... — она помолчала, потянула на меня и по лицу ее скользнуло неуловимое выражение, от ко-

торого у меня почему-то замерло сердце, — я не люблю этого похоронного бюро Карповых и бываю тамъ разъ въ годъ, а вы заходите какъ-нибудь за мной и пойдемъ бродить... Я ужасно люблю нашъ милый старенькій городокъ, онъ такой славный... Возвращался я нѣсколько озадаченный, но довольный. Дѣвушка мнѣ необычайно понравилась, было въ ней нѣчто такое же большое и сильное, какъ въ развѣтывающейся веснѣ...

III.

Случилась странная вещь: каждый день репетиторъ Жоржика исчезалъ изъ дому. Иногда онъ опаздывалъ къ обѣду и приходилъ, какъ пудель, котораго должны выстѣть, старался незаметно промигнуть къ себѣ, улыбаясь сладкой, тайной улыбкой... Каждый день я заходилъ за Ниной, и мы шли куда-нибудь на окраину, на берегъ рѣки, туда, гдѣ меньше было камня и города, и видѣли побѣдоносное шествіе весны. Обер-

Она задумалась на секунду, сощурила глаза и вдругъ вскрикнула весело: — И костюмовъ же пакуешь тамъ!.. — Вотъ тебѣ и разъ! Ёдете учиться... курсы, и вдругъ — костюмы... — Почему же нѣтъ? Вѣдь я не старуха, не уродь... — Это, конечно, не все же... — А вы думаете, что есть на свѣтѣ хоть одна дѣвушка, которая не радовалась бы новому платью, хорошему фасону?

Чинъ омовенія ногъ въ Исаакіевскомъ соборѣ въ Петербургѣ въ Великій четвергъ.

Оригинальный рисунокъ художника журнала «Огонекъ» С. В. КІЕВСКАГО.

Чинъ омовенія ногъ въ Великій четвергъ принадлежитъ къ очень древнимъ церковнымъ установленіямъ. Еще въ 17 вѣкѣ въ Успенскомъ соборѣ послѣ обѣдни патріархъ омывалъ ноги архіереямъ. Теперь мѣста архіереевъ занимаютъ архимандриты и священники. Въ Великій четвергъ, послѣ заамвонной молитвы въ кафедральномъ соборѣ, архіерей царскими вратами выходитъ, никѣмъ не поддерживаемый, безъ посоха, на облачное мѣсто. Одинъ діаконы несутъ передъ нимъ Евангеліе, которое и полагается на аналой, два другіе діакона несутъ лоханъ и рукояникъ. Архіерей садится на престо, а протодіаконы приводятъ изъ алтара по два архимандрита или священника. Такимъ образомъ, не вдругъ,

а мало-по-малу, собираются священнослужители, изображающіе учениковъ Господнихъ. Входя на облачное мѣсто, они кланяются архіерею и садятся. Слѣдуетъ особый чинъ, молитвы, эктении и, наконецъ, чтеніе Евангелія. Во время чтенія архіерей и священники сидятъ. Когда діаконы возглаголютъ: «воставай съ вечера Иисусъ», архіерей встаетъ.

При возглаголеніи діакона: «и положи ризы свои», архіерей самъ снимаетъ съ себя митру, панатію, крестъ, омофоръ, саккошь и палицу и кладетъ на престо. При этомъ никто ему не помогаетъ. Иона, энтрахили и подрясника онъ не снимаетъ, и митру надѣваетъ самъ. Затѣмъ, при словахъ: «пріемъ зентіонъ,

преносася», архіерей препонсывается зентіемъ, перекрестивъ сто отъ лѣвой руки на правое плечо. Далѣе, соотвѣтственно словамъ Евангелія, онъ омываетъ ноги священнослужителямъ итираетъ ихъ, доходя до послѣдняго священника, изображающаго собою Симона Петра. Омываетъ онъ ноги, преклонивъ на землю одно колено. Омываемые кланяются архіерею въ митру и руку.

По окончаніи обряда, архіерей восходитъ на свое мѣсто, снимаетъ зентіонъ, самъ облачается и доканчиваетъ чтеніе Евангелія.

По уходѣ архіерея изъ алтара обѣдня оканчивается.

Уже съ давнихъ поръ, со временъ патріарха Іоаннѣ, «въ Іудино мѣсто» священника нѣтъ.

— Какъ ее зовутъ? — думалъ я, подходя къ дому, и вспомнилъ: — Нина...

Когда я пришелъ домой, мнѣ казалось, что я чѣмъ-то виноватъ передъ Карповымъ и ничего не сказалъ о Нинѣ. Въ тотъ вечеръ мы опять сидѣли съ Вѣрой въ гостиной, и она рассказывала мнѣ, что хочетъ пожертвовать на лотерею въ пользу каторжанъ 2 вазочки и полотенце, вышитое ею. Но я плохо слушалъ, — смотрѣлъ въ окно, гдѣ узкій, поздній мѣсяцъ, совсѣмъ ущербленный сталъ на небѣ, и мнѣ хотѣлось скорѣе остаться одному, и отъ этого было неловко...

нущишь лицомъ къ рѣкѣ, Нина говорила:

— Люблю нашъ городишко, можетъ быть, оттого, что я выросла въ немъ, но нѣтъ для меня милѣе этихъ старушекъ-бабень, этихъ обваливающихся стѣнъ, этихъ церквушекъ!

Солнце било прямыми настоящими лучами, весенній вѣтеръ налеталъ порывами и говорилъ о веселомъ и молодомъ, какъ стоявшая передо мною дѣвушка; воробы кричали такъ, словно впервые повѣрили тому, что пришла весна, и ошалѣли отъ этого.

— Я ѣду за границу, долго не увижу всего этого, и вы не повѣрите, какъ это жаль! Тамъ будетъ хорошо, интересно, но все же...

— Мнѣ кажется, что есть, — наиримѣръ, Вѣра Модестная...

— Вѣра? — глаза у нея опять стали большими и опять въ нихъ мелькнули веселыя искры. — Вѣра, если блузка чуть-чуть не такъ сидитъ, рыдаетъ на весь домъ, а папа съ мамой бѣгаютъ съ каплями и не знаютъ, какъ ее уенокнуть... Она обдумываетъ не только платье, а почтуну кофту, вакидку на подушку, и все это украшаетъ красными ленточками, потому что красное идетъ къ ней... Нѣтъ, бросьте, что вы...

— Но вѣдь и вы обдумываете шляпки, которыя на васъ?..

— А вам нравится?
— Нравится мнѣ не шаяна, а вы въ ней...
— Ну, и прекрасно, для того и шаянка обдумывается... Только нужно прямо говорить!..

Мы болтали, смѣлились, и иногда, особенно по вечерамъ, подолгу сидѣли на своей горѣ, глядя на вскрывшуюся уже рѣку. И никогда такъ легко, свободно и просто не чувствовалъ я себя, какъ въ эти недолгіе часы. Какъ будто ея молодая уверенность, смѣлость и веселье будили во мнѣ какую-то детонацію, особую детонацію молодости, которую мы съ годами такъ безвозвратно теряемъ...

Я возвращался домой съ тяжелымъ, нуднымъ чувствомъ, смущался, когда на меня смотрѣли удивленно. Жоржикъ лукаво ухмылялся, а Вѣра...

Вѣры я не узнавалъ. Она смотрѣла на меня такъ, какъ будто въ возвращался въ безобразно пьяномъ видѣ, и одно приспособленіе ко мнѣ могло осквернить ее на всю жизнь. Выходя въ обѣду и взглядывая на нее, я понималъ, что я огромный преступникъ, что прощенья мнѣ уже нѣтъ, и даже Елизавета Ивановна, оченно, раздѣляла это мнѣніе, потому что рѣдкія брови ея подымались удивленно...

У меня открылись другіе глаза, я видѣлъ красныя тряпочки на кровати Вѣры, обдуманный порядокъ на столѣ, и, какъ магнетанинъ, проходя мимо ея комнаты, я благодарилъ Аллаха за то, что я живъ, что здоровъ и что не созданъ женщиной вообще, и Вѣрой—въ особенности...

СТРАСТНАЯ НЕДѢЛЯ ВЪ РИМѢ.

Римлянки-аристократки подъ наблюденьемъ кардинала и своихъ духовниковъ совершаютъ обрядъ омовенья ногъ нищими старухамъ.

И, проскальзывая къ себѣ въ мезонинъ, я шепталъ, таинственно подмигивая кому-то:

— Живая смерть, живая смерть!

Съ ощущеньемъ человека, излѣчившагося отъ сложной и опасной болѣзни, я зайти на улицу, бѣжать на нашу горку и тамъ ходить востроумно, взглядывая въ кофеевъ улицы. И когда видѣлъ большого шаянку, когда по качающейся, казавшейся мнѣ необычайно граціозной, походѣ узнавалъ Нину, — бѣжать, сдвоя голову, на-

встрѣчу и издали кричать сердитымъ, возмущеннымъ голосомъ:

— Это—безобразіе, это — чортъ знаетъ что такое — вы опаздываете на дѣять минутъ, такъ нельзя!.. Это называется равноправіе, самостоятельность!..

Нина уѣжала... Въ послѣдній вечеръ мы пили мразъ полуоблаившейся, поминувшей сказочныя времена вѣча и Грознаго стѣны, часто останавливались и слушали странный шумъ весны.

Я поглядѣлъ на Нину и вдругъ почувствовалъ—неожиданно почувствовалъ, что я — молодецъ, что теперь самая настоящая весна, что предо мной долгая, долгая неизвѣстная жизнь, гдѣ будетъ много смѣха, много радости, много счастья...

А теперь передо мною чудесная дѣвушка, которую такъ недавно знаю и которая близка мнѣ чудесной близостью — и сказала:

— Нина, вы уѣжаете... Слушайте... Возьмите меня съ собой!..

Она посмотрѣла на меня, не понимая. Потомъ брови ея чуть дрогнули, и въ глазахъ мелькнули веселыя искры:

— Куда же я васъ—въ чемоданъ, что-ли возьму?..

— Нина, вотъ вы сидите, а слушаете... Право—возьмите меня, итъ я...

Я хотѣлъ что-то сказать, но поперхнулся; она вдругъ опустила голову и быстро пошла впередъ. Я шелъ рядомъ, стараясь загляднуть ей въ лицо, но она отворачива-

Война на Балканахъ. — Подъ Чатаалджею.

Со снимковъ, доставленныхъ съ театра войны «Орацку» г. Воронинъ-Новицкимъ.

Болгарскій военно-полевой судъ подписываетъ смертный приговоръ гурну-шпіону, тутъ же ожидающему рѣшенія своей судьбы.

Груды турецкихъ артиллерійскихъ снарядовъ, доставшіяся болгарамъ въ послѣднихъ побѣдахъ подъ Чатаалджею.

Тяжелая болѣзнь папы Пія X.

Со снимка, присланнаго римскіимъ корреспондентомъ «Огонька».

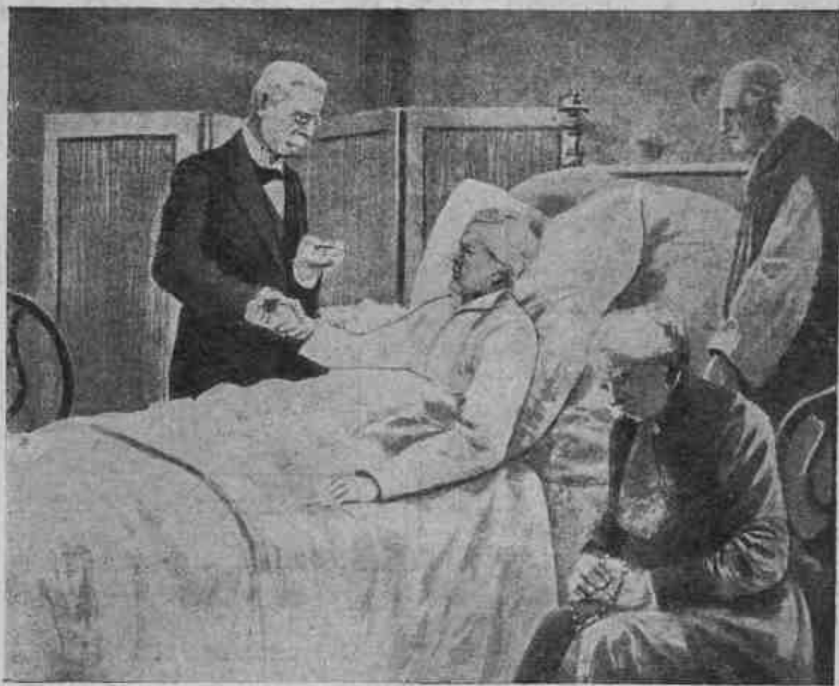

Одинъ изъ послѣднихъ портретовъ Папы.

Въ Р. Р. X.

АВТОГРАФЪ ПАПЫ.

Престарѣлый, восьмидесятилѣтній папа въ концѣ прошлаго марта мѣсяца заболѣлъ ш-

Профессоръ Маріафави и сестра папы у постели больного главы католической церкви. Едва оправившись, не слушаясь предостереженій медиковъ, папа возобновилъ текущую работу, выслушивалъ доклады и даже принималъ на аудиенціяхъ. Ослабѣвшій организмъ, нуждавшійся въ отдыхѣ, не вынесъ изнуренія: папа опасно, тяжело заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Появились грозные отеки ногъ. Температура поднималась до 40 град. Однако, папа пользовался каждою минутою улучшения, чтобы или повидаться съ кѣмъ-либо изъ провинціальныхъ епископовъ, или приняться за дѣла со своимъ секретаремъ. Могучая натура неустанно боролась съ недугомъ даже въ тѣ минуты, когда врачи признавали положеніе больного безнадежнымъ. Какъ ревностный исполнитель заветовъ церкви, папа, насколько позволяли силы, не считался съ недугомъ, слѣдуя примѣру святителей.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РЕДАКЦИОННОЙ ЧАСТИ № 15 «ОГОНЬКА» НА СЛѢДУЮЩЕЙ СТРАНИЦѢ.

Въ высшей степени пріятное ощущеніе

можетъ доставить себѣ каждый, кто приметъ за правило вечеромъ, передъ сномъ, прочищать ротъ растворомъ „Одоля“. Одоля всасывается въ слизистыя оболочки рта и какъ бы пропитываетъ ихъ. При каждомъ дыханіи воздухъ дѣйствуетъ на „одолизированныя“ слизистыя оболочки и вызываетъ чувство свѣжести, крайне пріятное и замѣчательно оживляющее организмъ.

По единогласному мнѣнію выдающихся ученыхъ, Одоля наиболее совершеннымъ образомъ соответствуетъ всѣмъ требованіямъ гигиены и считается поэтому лучшимъ изъ всѣхъ въ настоящее время извѣстныхъ зубныхъ полоскацій. Цена одному флакону—85 к., большому флакону, хватающему на нѣсколько мѣсяцевъ—1 р. 50 к.

Москва — „большая деревня“.

Со снимка, доставленного „Огоньку“.

Рядовая уличная сцена в Москве: старик бьёт из уличной душки, близ 1-й Мещанской улицы.

Москва по-прежнему расстается с обывателями, сжавшими ей прозвище „большой деревни“. В каком-то другом, столичном городе можно наблюдать удивительную картину: старый бьёт из душки, образованнейшие от таскают сифига... и где еще встретишь таких несмышленых душек, заблуждающихся деревенский пруд?!

лась, и так мы дошли до поворота в ту улицу, где жила она.

— Послушайте, вот что... — проговорила она, когда надо было прощаться, — я напишу вам... Дайте ваш адрес, я напишу вам... и понимаете... и это серьезно!

Она взглянула на меня, я увидел её светлые, мерцающие глаза и понял, что она говорит, действительно, серьезно.

— Я напишу вам... А теперь... — она вдруг оглянулась быстро и осторожно, как ястреб и веселая птица, скорчила забавную гримаску и прошептала:

— А теперь... Теперь мы хоть-нибудь сделаем ужасную вещь!

Я тоже оглянулся, не понимая, в чём дело; улица была пуста, большие лужи сверкали на ней, как куски голубого зеркала. И вдруг острое, быстрое прикосновение обожгло меня. Я чуть не упал, сердце рванулось и разом остановилось, на губах моих еще чувствовалась влажная, мягкая губы, но она уже бжала, поворачивая одной рукой платье, задыхаясь от смеха, и когда я кинулся за ней, уже исчезла в калитку.

— Прощайте, прощайте, я напишу, напишу, напишу... — бормотала она, махая рукой и смехом волнуящим, беззвучным смехом, — прощайте!..

IV.

В тот вечер Модест Яковлевич стоял у своей контор-

ПАСХА НА МОРЬ.

Со снимка для „Огонька“ Арсения Судакова.

Матросы плавящего корабля „Цесаревича“ на юге, около адмиральской каюты, христосуются, пьют здоровье друг друга, катают вино и „чокнутся“ им... Пасха под открытым небом, среди лазурного простора моря!

ки и, оглянувшись по сторонам, словно боясь, что его поймают в воровстве, говорил:

— Да, слушайте, вот какая вещь... Жоржик очень подготовлен, очень вам благодарен... Я слышал, вы хотите ехать, да, благодарю вас, вот видите-ли... я тогда писал вам... да, когда я писал, ма-

ма? Ах, да, ей-богу!.. Вот видите-ли... всякий труд должен быть оплачен, да-да... Мы чрезвычайно благодарны вам... и вообще...

Он как-то боком похлопнул по мне, ткнул меня сжатой в кулак рукой, и я почувствовал конверт с деньгами.

— Да, очень, очень благодарен... — бормотал он, когда я, весь красный от непонятного стыда, пятился к двери...

Проходя через гостиную, я старался не смотреть на комнату Вьри, но все же слышал её голос.

— Мама, ну, что это, в самом деле, это же невозможно, — говорила она тигучим, жалующимся голосом. — Жоржик постоянно берет мой карандаш, — вот здесь лежало два карандаша, а теперь один... Что же это, в самом деле?

У себя наверху я подпрыгнул, скорчила гримасу и пошел на кровать. Но тутчас встал, подошел к окну и посмотрел в чистое, темное небо. Оно было высоко и прозрачно, большая липа зазвиздала от него одиноко и странно. Я вспомнил Нину, вспомнил быстрый поцелуй и полный своей молодостью, грустью первой разлуки и радостью первой любви, прошептал:

— Нет, все-таки жизнь — чудесная штука... Милая Нина!

S. Suda

ВЕСНА НА ВОЛГЬ.

Со снимка для „Огонька“ А. В. Работнова.

Приречная улица Ярославля, затопленная половодьем.

Волга поднялась этой весной быстро, и жители Ярославля зовались грандиозным зрелищем ледохода, надвигавшегося и по малой бже. Разбитые караваны барж неслись по волб,

а приречная часть города обратилась в каналы и лагуны. Жители окрестных, осаждаемых водой, было тут уже не до красоты грандиозного зрелища весенних вод.

Редактор Владимир Бонди.

КОНЕЦ РЕДАКЦИОННОЙ ЧАСТИ № 15 „ОГОНЬКА“.

Податель С. М. Препер.

Sarg'a

KALODONT - КАЛОДОНТЪ

необходимый

ЗУБНОЙ КРЕМЪ и ЭЛИКСИРЪ

ПРЕД
у горам
тестать
ка. подд

Красота

въ высшемъ совершенствѣ!

Имѣется
вездѣ!

№ 4711.

РОЗОВОЕ ХРУСТАЛЬНОЕ МЫЛО

При постоянномъ употребленіи придаетъ коже и цвѣту лица нѣжность, гладкость и эластичность, которыя считаются сущими признаками чрезвычайной красоты. Дивная мыльная пѣна. Стирается экономно. Пречестный запахъ. Необходимо для цѣлесообразнаго ухода за тѣломъ и цвѣтомъ лица.
Цѣна 25 к. Настоящее только съ законно-утвержд. № 4711.

ЕДИНСТВЕН. ФАБРИКАНТЪ
Ферд. Мюльгенсъ

Парфюмерія № 4711.
Кельнъ и Р. * Рига.
Постановки мног. Высоч. Дворца.

НОВОЗОНЪ

Дра медикъ Ганцъ превратилъ изъ воздуха, быстро и вѣрно излѣчиваетъ запоры и желудочно-кишечныя заблужденія, геморрой, малокровіе, невралгію, мигрень, безсонницу, и вообще всѣ бо- лѣзни нарушения обмена. Имѣется много благодарныхъ свѣдѣній. Банка въ 50 граммовъ (защита доет. на 2 нед.) 1 р. 75 к. въ 100 гр. 3 р. 30 к. Кин- ту в Новозонъ и всѣ свѣдѣнія, вы- слать, безплатно Н. Гертнеръ, С.-Петебурга, Гороховая 5.

ОТЗЫВЪ: «Могу сообщитъ, что и послѣ Новозона 2-ра Ганца чувствую себя значи- тельно лучше. Питьевое по- правилось, испражнение естественное и нормальное, аппетита тоже хороша. Я не устаю такъ легко, какъ прежде, и вообще охотнѣе».

А. Бютнеръ, Мюнхенъ.
Новозонъ продается въ С. Б. у Русск. О-ва, Школы и Шпит. Б. Бюлеръ, Школы- ского, Бразилиаго, Чешу- нина; во всѣхъ магазинахъ Т-ва Келеръ и др.

ТВО „АЛЬФА-НОБЕЛЬ“

СНБ., 5. Самсоніев. пр. 31.

ШВЕДСКІЕ ДВУХТАКТНЫЕ НЕФТЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ.

Простота ухода.
Требуйте каталогъ № 1.

АГЕНТЫ и пожелавъ видѣть на- зрѣніи въ услови- яхъ рас- простр. очень хо- лоднаго врем. Инженеръ В. Бремелъ, Петербургъ, Гатчинскій 14.

Для молотилокъ

шведскіе хрустальные нефтяные двига- тели, настоящие „АВАНСЪ“, верши- намиго типа, послѣдней модели 1912 г., расходуютъ нефти 1/2 фун. на силу въ часъ. Легко перевозимы, мощностью 6, 8 и 12 силъ, всегда на складѣ. Технич. конст. 3. А. Зденбергъ, Москва, Мясниц- кан, 38—2. Отдѣленіе Астрахань и Баку.

Всѣмъ охотникамъ пора бросить

ШОМПОЛЬНЫЯ РУЖЬЯ!

Скорострѣльность, удобство заряданія и дешевизна!

№ 9. Одноствольное, центральное дробовое ружье передѣланное изъ бывшихъ военныхъ ружей Бердана, въ беззачетномъ доке простой отдѣлки, съ прочнымъ стволомъ изъ литой стали калибра: 16, 20, 24, 28 и 32—5 р. 25 к.; съ фирмой и клеймомъ 6 р. 80 к. Такое же въ орнаментѣ, доке инженириванъ, клеймъ гарантированный 11 руб. 20 к. Всѣ сорта 12-го калибра дорожа на 1 рубль. Гильзы 7 к. штука. Машинка для заряданія 85 к. Укупорка ружья 50 к. Пересылка за счетъ заказчика и обходится по Россійской Имперіи 75 к. Запад. Сибирь и Закасп. край около 1 руб. 40 коп. Восточная Сибирь около двухъ рублей.

Ружья Бердана являются самыми, практичными, дешевыми: для крестьянъ и охотниковъ съ небольшою суммою, для промышленниковъ и землевладѣльцевъ, для начинающихъ охотиться молодыхъ людей, удобны для охоты въ дождливую и сырую погоду, т. е. скорость при стрѣльбѣ не падаетъ, какъ въ обыкновенныхъ шомпольныхъ ружьяхъ. Ввиду прогрессивнаго тренія на дробовики Бердана много пригодно для распродажи и имѣется въ наличности партия около 5000 шт.

Огромное производство ВАСИЛИЯ ПЕТРОВА,

Инженерскій оружейный заводъ, Вятской губ.
Прейсъ-курanty разнообразныхъ ружей, револьверовъ и охотничьихъ принадлежностей высылаются безплатно. Торговцамъ скидка и особые преісъ-курanty.

ЗАГРАНИЧНЫЕ КУРСЫ ЗАПЧНАГО ПРАКТИЧЕСКАГО ОБУЧЕНІЯ

кройки и шитья дамск. платьевъ, корсетовъ и обуви.
Проектиру, пробныя лекціи и курсы высылаются за плату 10 коп. мар. Геймъ (Геймъ-Беттъ, Модернъ) Heidelberg, Modern.

Послѣдняя новость!

духи, одеколонъ

САНСАЙ.

Т-во С. И. ЧЕПЕЛЕВЕЦКІЙ съ С.-ми.

Усы и борода!

Перуин-Пето способствуетъ роженію волосъ, усамъ и бородѣ съ удивительнымъ успѣхомъ. Гдѣ существуютъ малые, едва замѣтные волосы, развивается скоро пышная растительность волосъ, что доказано многими охотливыми и похвальными отзывами. **Перуин-Пето** одобрень золотой медалью на всемирныхъ выставкахъ въ Парижѣ и Брюсселѣ. Перуин-Пето лучшее и вѣрнѣшее средство для всѣхъ существующихъ для сей цѣли средствъ.

Флаконъ съ золот. медалью. Вездѣ 1 р. 75 к. флаконъ.
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ! При покупкѣ ПЕРУИНА-ПЕТО надо непременно сдѣлать за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была приклеена бирочка золотан медаль и приложень аттестатъ изобрѣтателя Р. Г. Пето. Всѣ остальные безъ медали и безъ аттестата поддѣлки. Охотный складъ: Базаръ Маронъ, СПб. Невскій пр. 30, кв. 30.

Пробуйте ваше счастье

Въ большомъ 6-ти классъ тиражѣ, который производителю Государственнаго Банку въ присутствіи Государственныхъ Контролеровъ на членовъ 40 лицъ. Главн. выигрышъ: 400.000 р., 240.000 р., 160.000 р., 80.000 р. и мн. др. Всего билетовъ 110.000 омигриваетъ 3.000 общую сумму 5.743.800 р.

Тиражи производятся:	Цѣна билетовъ на всѣ 6 классовъ
1 классъ 5 и 10 Мар.	билета 10 р. 50 к.
2 5 и 10 Коп.	билета 20
3 2, 3 и 4 Коп.	билета 40
4 30, 31 Коп. и 1 Ангуст.	билета 80
5 21 и 22 Ангуста.	билета 160
6 отъ 11 Сентября по 2 Октября.	билета 320

Допускается распродажа въ каждомъ классѣ: за 1/2 бил. 1 75 к., за 1/4 бил. 3 р. 34 к., за 1/8 бил. 6 р. 67 к., и за 1/16 бил. 13 р. 34 к. Таблицы минимей послѣ каждаго тиража высылаются всѣмъ участвующимъ **БЕЗПЛАТНО**. Выигрыши выплачиваются безъ всякихъ формальностей по мѣсту жительства клиентовъ.

Заказы исполняются также наложеннымъ платежомъ.

Заказы и деньги адресуйте: **Въ контору М. РЕЙСЪ, Варшава.**

3000

ЖЕНЩИНЫ!

наибольшихъ врачей и профессоровъ рекомендовать и признать въ своей частной жизни самое патентованное гигиеническое средство, предохраняющее отъ **ЗАЧАТІЯ**. Пользуясь имъ, съ уверенностью можно гарантировать. Стоимости средства 2 руб. 50 коп. высылаются наложеннымъ платежомъ. Пересылка за счетъ покупателя. Въ Азіатскую Россію высылаются только по получени заклада не менѣе 1 руб.
Адресъ: Главное Отдѣленіе Химической Лабораторіи, Москва, Брюсовскій пер., № 6. Отд. 5.
АДРЕСЪ для Прибалтійскаго края: Рига, Б. Грѣшная № 22/1 Почтовый ящикъ № 766.

1-го МАЯ

произойдет тиражъ выигранныхъ Государственныхъ выигранныхъ билетовъ 8-го займа. При небольшомъ взносе можете участвовать во многихъ билетахъ въ этомъ тиражѣ и темъ испытать свое счастье.

Главный выигрышъ 200.000 рублей.

Цѣны участія:

на 2 руб. въ 100 частей 20 билетовъ.	на 3 руб. въ 100 частей 5 билетовъ.
1 бил. 50	1 бил. 25
2 бил. 100	2 бил. 1
3 бил. 50	3 бил. 5
4 бил. 100	4 бил. 25

По получении вноса высылается форм. свидетельство съ указан. №№ ссѣдъ и билетовъ. Страховые билеты, отъ тиража 1 мая за нашъ счетъ. Таблица выигрыш. будетъ опубликована въ этой газетѣ и во всѣхъ столич. и провинциальн. Заказы просимъ адресовать:

Т-ву Бр. РОГОЖИКЪ Варшава. Адресъ для телеграммъ: «Варшава Рогожники».

Заказы исполняются также и наложеннымъ платежомъ безъ наложен.

КЪ СТРОИТЕЛЬНОМУ СЕЗОНУ!

С.-Петербургское стекльно-промышленное акционерное общество.

Предлагаемъ: одностан. двойные и тройные легерные стекла, позолоты, стекла «Монье» съ проточной прокладкой, прессованные стекла разныхъ рисунковъ и цѣтовъ, рубчатые стекла, стекланные кирпичи (фальконы), иллюминаторные рамы съ призмами, зеркала, зеркала и зеркала, стекла въ мѣдной и свинцовой оправѣ.

Остекление построекъ во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи.

Правленіе: С.-Пб., Казанская ул. № 5. 7434

БЫСТРЫЙ ПОДЪЕМЪ СИЛЪ И ДУХА ПОТОМУ ОСВѢЖЕНІЕ ВСЕГО ОРГАНИЗМА. **УСПОКОЕНІЕ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ** ВОЗБУЖДЕНІЕ АППЕТИТА, УЛУЧШЕНІЕ ПИЩЕВАРЕНІЯ.

ГЕМАТОГЕНЪ Д-РА ГОММЕЛЯ

ВСЕ ЭТО ДАЕТЪ

ИМѢЮЩИ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ, АПТЕКАХЪ МАГАЗИНАХЪ ТРЕБУЕТЪ НАСТОЯТЕЛЬНО ИМЯ Д-РА ГОММЕЛЯ

ЛИТЕРАТУРА И БРОШЮРЫ СЪ ОТЗЫВАМИ ВРАЧЕЙ ВЫСЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Заказъ ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ СДѢЛ. С.-Пб. 133

40 дней

за 1 руб. 75 коп. Вы можете установить и испытать свое счастье въ теченіи 40 дней въ болѣе или въ болѣе классномъ планетаріумномъ тиражѣ, который производится въ Государственный Банкъ въ присутствіи Государственныхъ Контролеровъ съ главными выигрышами: 400.000 р., 240.000 р., 160.000 р., 80.000 р., 40.000 р. и масса другихъ на сумму 5.783.600 р.

Розыгрыши производятся:

1 классъ 8 и 10 Мая.	Цѣны участія на тѣхъ 40 дней.
2 " 5 и 6 Июня.	1 бил. 10 р. 50 к.
3 " 2, 3 и 4 Июля.	1 бил. 20 " "
4 " 30, 31 Июля и 1 Августа.	1 бил. 40 " "
5 " 21 и 22 Августа.	1 бил. 80 " "
6 " отъ 11 Сент. брѣ въ теченіи 28 дней.	Цѣлый бил. 80 " "

Допускается распродажа на наложену классу: за 1 бил. 1 р. 75 к., 1 бил. 3 р. 34 к., 1 бил. 6 р. 67 к. и цѣлымъ билетомъ 13 р. 34 к. Риска почти нѣтъ, такъ какъ половина билетовъ выигрывается. Официальная таблица выигрышей высылается всѣмъ участникамъ послѣ тиража бесплатно. Выигрыши выплачиваются немедленно безъ всякихъ формальностей.

Заказы и деньги просимъ адресовать:

Въ Банкирскую Контору **И. ТУБЯНСКІЙ,** Варшава, Маршаловская, 141.

СО СРЕДЫ СВ. ПАСХИ и въ продолженіе всей ВОИМНОЙ НЕДѢЛИ

въ розничныхъ магазинахъ

Т-ВА ПРОХОРОВСКОЙ ТРЕХГОРНОЙ М-РЫ

ПРОДАЖА ПО ДЕШЕВОЙ ЦѢНѢ.

- 1) Гостинный дворъ, № 117.
- 2) Петерб. стор., Бол. просп., д. № 28.

Письмо французской графини.

«Я осталась чрезвычайно довольна вашимъ средствомъ для полорокапія рта, Дентолемъ, и теперь пользуюсь и буду пользоваться исключительно имъ однимъ. Подписала: Графиня де-Фронсакъ, замокъ Вилльоръ (Ма-де-Каза, Франція)».

Графиня де-ФРОНСАКЪ.

«Очень вамъ признателенъ за пробный ящикъ, который вы мнѣ любезно доставили. Дѣйствительно, Дентоль есть лучшее, наиболѣе замѣчательное изъ всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ, средствъ для зубовъ и рта. Я только что окончила пробный флаконъ и чувствую, что болѣе не могу обходиться безъ Дентоля. Подписала: Клодъ Грандкруза, Бюрла (Деп-тъ Геро, Франція)».

Дентоль (эликсиръ, паста и порошокъ) есть средство для ухода за зубами въ высшей степени обеззараживающее и одновременно слабительное чрезвычайно приятныхъ запаховъ и вкуса.

Будучи приготовленъ по способу, рекомендованному Пастеромъ, онъ уничтожаетъ вѣрту възлорокасіе микробы, предупреждаетъ и самымъ дѣйствительнымъ образомъ излѣчиваетъ порчу зубовъ, воспаление десенъ и горлоныя боли; въ нѣсколько дней онъ придаетъ зубамъ особенный блескъ и бѣлизну и уничтожаетъ зубной налетъ.

Послѣ его употребленія во рту надолго сохраняется ощущеніе пріятнѣйшей свѣжести. Его обеззараживающее отъ микробовъ дѣйствіе удерживается во рту не менѣе 24 часовъ.

Дентоль, положенный въ зубъ на кусочекъ ваты, моментально останавливаетъ самыя сильнѣйшія зубныя боли.

Дентоль находится въ продажѣ во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ: Торговый домъ Фреръ, 19, улица Жакобъ, Парижъ

С.-Петербургская Биржевая Бородинская Артель,

С.-Петербургъ Лештуковъ переулокъ, домъ № 12 кв. 15, Телефонъ № 555—05,

съ цѣлью расширенія своихъ операций, несмотря на то, что уже имѣетъ обезпеченныя дѣла, предлагаетъ

ОЧЕНЬ ПРИЛИЧНЫЙ ДОХОДЪ

всѣмъ лицамъ, которые ухотятся. Правленіе Артели о каждой предложеніи или открытіи въ должностъ въ какомъ бы то ни было торговомъ, промышленномъ, казенномъ, частномъ, военномъ, морскомъ, индустриальномъ и т. п. учрежденіи для оказанія помощи, снабженія, обезпеченія, заготовъ и съ круговой другъ за друга поучилъ всѣхъ членовъ Артели.

Капиталы Артели находятся въ Государственномъ Банкѣ, подѣ контролемъ Биржевого Комитета.

Главный тиражъ

единственной въ Россіи большой денежной правительственной лотереи

Главные выигрыши **75,000 р., 40,000 р., 20,000 р., 15,000 р., 10,000 р.** и масса другихъ

Купите за 2 р. 50 к. 100 частей билета. Розыгрыши производятся въ Варшавской Конторѣ Государственного Банка 26 и 27 Апрѣля и съ 8 Мая въ теченіи 10 дней. Всего билетовъ 23.500. Выигрыши отъ продажъ билетовъ 117.500. Цѣны билетовъ: 1/100 часть бил. 5 р., 1/50 бил. 9 р., 1/25 бил. 10 р., 1/10 бил. 20 р., 1/5 бил. 40 р. и цѣлымъ бил. 80 р. Нужно прислать тѣмъ, т. е. въ тиражъ 26 и 27 Апрѣля, половину (за 1/100 бил. 2 р. 50 к. за 1/50 бил. 4 р. 50 к. и т. д.) а вторую половину до 20 Мая. Риска почти нѣтъ, ибо каждый второй номеръ выигрывается. Официальная таблица выигрышей высылается по опубликованіи всѣмъ т. е. клиентамъ немедленно и бесплатно. Выигрыши выплачиваются немедленно безъ всякихъ формальностей по вѣсту истребленія клиентомъ. Заказы и деньги просимъ адресовать

Въ Банкирскую Контору **В. СМѢТАНКИЙ** Варшава, Торговая 32.

Адресъ для телеграммъ «СЧАСТЬЕ ВАРШАВА» 7436

МОЛОДОСТЬ

давать и чистое, чисто, широкое, светлое, молодое лицо, белая, мягкая как бархат кожа и ослепительно красивый широкое лицо. Все это достигается от употребления

Мыла „Конекъ“

Бергмана и Ко., Радебейль - Дрезденъ

Требуйте только красную упаковку.

За Кусокъ 50 Коп. въ продажъ всѣхъ.

Главный складъ для Россійской Имперіи:

Контора химическихъ препаратовъ, С.-Петербургъ, Малая Конюшенная № 10.

Незамысловатый подорожникъ въ праздничномъ. Не съмѣняете съ разными. Варшавскими и Лондонскими рекламными.

НАСТОЯЩИЙ ЖЕМЧУГЪ

никогда не лучше предлагаемой имитации истиннаго жемчуга. Ноль съ замкомъ писемъ, налож. на 6 руб. 90 коп. съ пересылкой. До сихъ поръ подлиннаго жемчуга подъ разными названиями продавалось по 50 руб. Ввиду же усовершенствованной фабрикаціи мы можемъ распространить эту удивительно удачную имитацию по такой дешевой цѣнѣ Т.Д. Г. Родульскій, С.-Петербургъ, Морская 14. Существо. съ 1882 г. 7404

400.000 р.

240.000, 160.000, 80.000 и много друг. общей суммъ 5.780.600 р.

Всемирный богатѣйшій тиражъ.

Въ Государственномъ Банкѣ въ Имперіи Государственнаго Контролера, корреспондентовъ и публики будетъ произведенъ богатѣйшій 6-ти изд. тиражъ. Тиражъ 1-го изд. произойдетъ 8 и 10 Мая 1913 г. 2-го изд. 2 и 4 Июня 4-го изд. 21, 31 Июля и 1 Августа 5-го изд. 21 и 22 Августа, 6-го изд. 11 Сентября — 9 Октября. Официально таблица выслана въ посылку изд. бесплатно. На эти высылки высылается безъ оплаты формуляръ по жетону изд. и отплат. чѣмъ у другихъ, благодаря тому, что мы получаемъ билеты не посредственно, а прямо съ Государственнаго Банка. Билеты и газ. застрахованы нами бесплатно отъ потери въ переломѣ 5-ти изд. Заявки принимаются и телеграфно. Заявки и деньги адрес: Въ Банковскую контору Д. КЛЕЙНБОРГЪ, Варшава, Мармелитская 15. Адресъ для телеграммъ: КЛЕЙНБОРГБАНКЪ

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

В. И. ШАРАПОВЪ — Москва

Кузнечій мостъ д. 14, для телегр. ШАРОБАНКЪ

имѣть честь просить своихъ уважаемыхъ клиентовъ, производившихъ и могущихъ произвести какія либо операціи до 1-го Мая сего 1913 г. и не получившихъ №№ серий 50 билетовъ 3-го Дворянскаго св. Займа:

00173.08;	00260.21;	00655.07;	00703.16;	01095.08;	01237.35;
01493.45;	01547.48;	01776.46;	02630.49;	03069.26;	03638.55;
04250.44;	07186.05;	07244.25;	07271.35;	07293.08;	07860.06;
09500.14;	09973.14;	10226.26;	10227.26;	10229.26;	10230.26;
10233.26;	10235.26;	10237.26;	10238.26;	10239.26;	10240.26;
10346.35;	10483.41;	10639.47;	10728.03;	10808.30;	10905.49;
11094.15;	11359.42;	11525.05;	11913.22;	12432.06;	13287.41;
14160.27;	14200.18;	14778.37;	14804.09;	14892.47;	15055.25;
15187.23;	15317.26;				

сообщить объ этомъ въ возможно кратчайшій срокъ.

1200 изобрѣтеній

съ выпис. больш. приростъ (для обдум.) высыл. въ 1 р. 50 к. уплативъ между. союза патент. бюро. К. Гранденбергъ, Варшава, Понина, 34. 7414

Усовершенствованныя жилища и постройки для городовъ и селеній.

Изобрѣтенія специалиста по огнестойкому строительству.

Постройка „древянныхъ“ домовъ и другихъ зданий по предлагаемому новому способу обходится дешевле въ два три раза деревянныхъ построекъ. При этомъ получаютъ теплые, сухіе, прочные и огнеупорный дома, красивой архитектуры, — при желаніи быстро разбираются, перевозятся на другое мѣсто и возводятся въ течение двухъ трехъ дней. Желающіе приобрести руководство и право на возведеніе такихъ построекъ (патентъ занесенъ въ Министерство Торговли) высылать 1 р. за руководство, наложен. платеж. на 20 к. дорож. и по 1 р. за каждую постройку по адресу: г. Витебскъ, 2-й мѣст. Рождественскій пер. д. Лукаскаго, А. А. Андреевскому. Стоя въ назначенный плацъ назначается изъ желанія привести послѣднюю посылку на селенію въ борьбѣ съ жилищной нуждой путемъ широкаго распространенія дешевыхъ и усовершенствованныхъ построекъ. Города и селенія. Управл. — по особому соглашенію.

Большинъ

Большинъ, пользующихся Сперминомъ-Пеля, стараются обмануть посредствомъ широкообъявительныхъ рекламъ о жидкостяхъ изъ сѣмлинныхъ железъ, причемъ въ этихъ рекламъ самымъ беззастѣнчивѣйшимъ образомъ искажаютъ факты и ссылаются на имена и труды иностранныхъ ученыхъ, которые никогда и не видали этихъ препаратовъ. Мы считаемъ своимъ долгомъ предостеречь большынъ отъ этихъ вытѣжекъ, такъ какъ они, не имѣя ничего общаго со Сперминомъ-Пеля, часто содержатъ вредныя для здоровья вещества.

При неврастеніи, половомъ безсиліи, старческой дряхлости, истеріи, неврастгіяхъ, малокровіи, чахоткѣ, сифилисѣ, послѣдствіяхъ ртутнаго лѣченія, сердечныхъ заболѣваній (ожирѣніи, снѣрозо сердца, серцебѣніяхъ, перебоѣ, миокардитѣ), артеріосклерозѣ, алкоголизмѣ, спинной сухоткѣ, параличахъ, слабости послѣ перенесенныхъ болѣзней, переутомленій, и проч., только Сперминомъ-Пеля достигнуты тѣ блестящіе результаты о которыхъ свидѣлствуютъ наблюденія извѣстѣйшихъ ученыхъ и врачей всего міра.

Слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе

СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ

и отказываться отъ всѣхъ вытѣжекъ и жидкостей съ разными названіями, о негодности которыхъ издана особая брошюра, которая высылается беззастѣнчиво съ новѣйшей литературой о Сперминѣ.

Сперминъ-Пеля имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Органотерапевтический Институтъ

Профессоръ Д-ръ Пель «С-ва»

Поставщики Двора

Его Императорск. Величества

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ЕСЛИ
Зудъ
КОЖИ

безопасно. Вамъ такъ, что Вы чешетесь до крови и не находите сна, попробуйте Тютюноловую мазь, перламутровый кремъ, сѣры. Она быстро дастъ Вамъ облегченіе. Устранить сыпь, прыщи, угри, чесотку и превосходно дѣйствуетъ противъ экземъ и лишаявъ. Рецидивуется вѣчно. 11.1 р. 75 к. за банку. Требуйте въ аптекахъ и аптеч. нагаши-хъ или у представителей для всей Россіи:

О. П. ВЕГЕНЕРЪ.
СПБ., Невскій пр., 3-Б.

СЪ ПРАВАМИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ ТОРГОВЫЯ ШКОЛЫ

при эк. дют. церкви Христа Спасителя в С.-Петербурге Подольская ул., 2.
В текущем учебном году 650 учащихся. Приемные экзамены 15 мая
и 19 августа. Начало занятий 20 августа. 7500

По возвращеніи изъ военной службы.

«Если я обращаюсь к вам с этим письмом, то это ради моего сына, который, не переставая, кашляет с самого своего возвращения из поля; в продолжение своей военной службы он заболел, благодаря плохо вычищенной простыне.

Каждое утро въ теченіе не менѣе часа съ упрямью кашляетъ съ мокротою и желчью, съ трудомъ отдѣляющимися; послѣ завтрака кашель успокаивается.

Как только наступают холода, кашель его утихает, когда с холода он переходит в тепло, ему становится лучше, и кашель уменьшается. Помимо этого, он чувствует себя

Г. Дзюз.

Нѣсколько недѣль спустя г-жа Деуа написала ему снова слѣдующее: «21-го ноября 1896 года—г. Гюйо, какъ только мой сынъ началъ принимать присланный вами ему дегтирный Карбонъ Гюйо, у него не только при кашлѣ перестала отдѣляться мокрота съ желчью, но скоро онъ вовсе пересталъ кашлять. Силы его стали восстанавливаться, и послѣдъ приема въ теченіе еще нѣкотораго времени нашего превосходнаго лѣкарства онъ съ скоростью совсѣмъ выздоровѣлъ».

Приношу вам мою искреннюю благодарность; всю мою жизнь я буду вам признательна, так как я начинала уже сильно беспокоиться о здоровье моего сына, который должен располагать хорошим здоровьем, так как ему придется трудом зарабатывать себе средства к жизни.

Я охотно даю вам мое согласие на напечатание моего письма, так как не знаю, как и рекомендовать ваше чудесное лекарство всем, страдающим бронхитами или всемиными грудными болезнями». Подписала Мария Денча.

Достаточно принимать за каждойдой по 2 или 3 Кавсоян Губо изъ дегти, чтобы въ короткое время выльчиться отъ самой упорной простуды и самого застарѣлаго бронхита. Бывали даже случаи исцѣления ими чахотки въ довольно уже сильной степени ея развитія, такъ какъ деготь задерживаетъ распространеніе въ легкихъ туберкуловъ, убивая авокачествѣннымъ микробовъ, причиняющихъ разрушеніе легкаго. Это—просто и вѣсело сприведливо.

Малы́шая простуда, если ее запустить, легко обращается в бронхит. Поэтому должно немедленно советовать больным с самого же начала захватить бо́льшую употреблени́ем дегтярных Кансоль Гюбо.

Дегтярница каплями Гойо готовится из смолы, получаемой из особого вида морской сосны, растущей в Норвегии, по способу и по указаниям самого изобретателя Гойо, чья объяснительная факты, что он один может принести действительную пользу, всё же подвизы подь ниях истинны; это—капли совершенно круглы, асаликою съ хорошиу, и проглатываются безъ затруднения съ глоткомъ воды: онъ продается въ флаконкахъ.

Если вы хотите купить продукты, стоящие с настоящими Кансюэми Гюбо, — **ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ, ЭТО ДЕЛАЕТСЯ ПРОДАВЦАМИ РАДИ ИХ ВЫГОД.**

СПРАШИВАЙТЕ И ТРЕБУЙТЕ НЕПРЕМЕННО И НАСТАИВАЙТЕ
на том, чтобы получить действительно настоящих Капсюли Гюю; во
избегание же недоразумений, обращайтесь на этикетку флакона;
на настоящем Капсюль Гюю имя изобретателя Гюю напечатано
брупными и жирными буквами, а подпись его изображена тремя крас-
ками: лиловой, зеленой и красной, наискось этикетки, на которой также
указан и адрес Лаборатории: Торговый дом Л. Фрер, 19, улица Жа-
коб, Париж. Кроме того, следует помнить, что настоящих Капсюли
Гюю не черного цвета, а, наоборот, чрезвычайно белые, и на каждой
капсюль изображена подпись Гюю.

Р. С. Лица, не могущия глотать капсулы, могут заменить прием Капсулы Гюйо употреблением Десяти-Гюйо в жидком виде, принимая это лекарство по количеству одной кофейной ложечки на стакан воды, или того питья, которое каждый привык употреблять за едой; действие этого средства так же благотворно, как и Капсулы-Гюйо, и выдохороспие столь же верно.

Лечение ими обходится МЕНЬЕ, ЧЕМЪ ВЪ 10 КОПѢЕКЪ ВЪ ДЕНЬ, и за всю жизнь — бесплатно.

Такими находятся в продаже во всех лучших аптеках и аптекарских магазинах.

Аппаратъ „Марше“. Единственъ, возможнъ, достиженіи вышней, тугой, роскоши, груди въ кратчайшия время, 11, 5 руб. Издана въ. Описание 6-тикратно и секретны. Елена Ковалева. Харьковъ. 3. почт. ящикъ 390.

БЕЗПЛАТНО

высказывается излостью, поставление
относительно переносных прибо-
ров для обливных и дождевых
душей, затишающих ванну и баню,
пригодных для самого скром-
ного помещения и дающих воз-
можность не богат, аду купаться
даже во всякое время дня и года.

Конст. Мальмъ

СПБ., Морская, 34—0.

Изд-во „Пикант“

Иллюстр. сборн. пикант. анекдот., ч. 1,
высш. для ознакомл. за 60 к. яркими
Адрес: Одесса, ст. Монастырская, № 5, кв. 1

Книга чудесныхъ талисмановъ.

Заговоры и заклинаний. Оберегающая каждого от всех несчаст. земных болезней, а также и преждевремен. смерти.

ДЮБОВЫЙ КЛЮЧЪ ВОСТОКА. Устраивающий: старческое и половое безразличіе, дѣторожатство, расклевывающій сердце молоденька, дѣлушекъ и красивыхъ парней. Помогаетъ счастливо выйти замужъ, пернать любовь мужа и приворожить любого мужчину.

ЗАГОВОРИ И ЗАКЛІНАННЯ на отисненіє во-а і попокротіє. Отъ падежіє скота. На розисненіє млада. Отъ торыжи. На вымырніи въ мѣрти, тоталізаторъ. Отъ помага и крыснаго шітуса. Отъ нужди, сѣлности, исурожан и засуа. Эта книга просчатана по истѣинныи рукописмъ, мечално найденнымъ въ труби жилищи старъ запалри.

ТОЛЬКО ПО ЭТОЙ КНИГЕ можно заговорить любого человека, даже жителя другого села или города. 60.000 человек уже купили у нас эту книгу и мы получаем за все ежедневно массу благодарностей. Эта замечательная книга содержит 64 рис. с полн. пояснен. о заговорах нахъ, гдъ и когда заговаривать. Книга стоит 1 руб. 25 коп. с перес. Можно рисун. иаръ, съ заканаи, писать. Назадъ плат. высыл. за 1 руб. 60 коп. Безлатно прилагается премин-карточка. ТАИНСТВЕННЫЙ КРУГЪ гаданий и предсказаний судьбы. Требуемая адрес: Москва, Любавинский пер. 2. Кимонидъ, НАДЕЖДА. Ото. 0-М 3. 7500

!!!ВОТЪ БОГАТЫЙ ТИРАЖЪ!!!

8 Мая с. г. начинается богатый 6-ти классный правительственный праздник, присутствия Государственных контролеров. Выигрыши производятся: 1-го класса 5 и 10 Мая 1913 г. ст. ст., 2-го класса 5 и 6 июня, 3-го класса 2 и 4 июля 1913 г., 3-го класса 30, 31 июля и 1 августа ст. ст., 4-го класса 21 и 22 Августа 1913 г., 6-го класса начинается 1 Сентября и продолжается 29 дней. 1 выигрыш 400,000 р., 1 выигрыш 240,000 р., 1 выигрыш 160,000 р., 1 выигрыш 80,000 р., 1 выигрыш 40,000 р., 1 выигрыш 32,000 р., 1 выигрыш 24,000 р. Всего 110,000 билетов, из коих 55,000 выигрывает 4,763,600р. Число участия во всех шести классах: 1/2 билета 10 р. 50 к., 1/4 бил. 20 п., 1/8 билета 10 р. 25 к., 1/16 билета 8 р. 12 1/2 к., 1/32 билета 4 р. 6 1/4 к., 1/64 бил. 2 р. 3 1/8 к., 1/128 бил. 1 р. 75 к., 1/256 билета 8 р. 31 к., 1/512 билета 6 р. 67 к., 1/1024 бил. 3 р. 34 п. Билеты выисываются из оригинала. Принимать по описанию, что при недостаточной затрате, как-то: 1 р. 75 к., 8 р. 34 к. и т. д. можно выиграть очень крупную сумму. Таблица выигрышей после каждого класса выпис. бесплатно. О всяком роде выигрыш. играния, сообщается немедленно и таковые тотчас же выпиначиваются и во телеграфу. Деньги и письма адресовать: **И. Мушкаты,** Варшава, Бельянская 3, в Бельянский Контору, (против Государственного Банка). 7497

ЛЕГОЧНАЯ БОЛЕЗНИ

изличимы набором Пульмана. Тысячи отзывов врачей и пациентов. Настоящий набор Пульмана в оригинальной упаковке высылается лишь главным представителям Г. Сёте, Рига, 847, Александровская, 13 (8). Подробности узнать там же.

БОЛЬШОЙ ТИРАЖЪ

8 Мая с. г. начинается большой 6-ти классный правительственный тыфозный присутствия Государственных контролеров. Розыгрыши производятся: 1-го класса 8 и 10 Мая с. г. 1913 г., 2 класса 5 и 6 Июня, 3 класса 2, 3 и 4 Июля, 4 класса 20, 31 Июля и 1 Августа, 5 класса 21 и 22 Августа и 6 класса начинается 11 Сентября 1913 г. и продолжается 28 дней.

1 выигрыш	240,000 р.	1 выигрыш	40,000 р.
1 " "	162,000 " "	1 " "	32,000 " "
1 " "	80,000 " "	1 " "	24,000 " "
и масса других.			

Всего 110,000 билетоу, изъ коихъ 55,000 вынумарованъ 5,789,600 р. Цѣны участію по нѣско шести классовъ: 1) 1 бил. 5 р. 30 к. 2) бил. 10 р. 50 к. 3) бил. 10 р. 4) бил. 10 р. 5) бил. 80 р. Допущены въ разсрочку къ каждому классу: 1) бил. 1 р. 75 к. 2) бил. 3 р. 34 к. 3) бил. 6 р. 67 к. полный билетъ 13 р. 34 к. Билеты высматываются въ оригиналь. Принимать же во вниманіе, что при немедленной затратѣ, какъ-то: р. 75 к. и р. 34 к. не возвращаются. По истеченіи срока уплаты за билетъ нижняго класса нисколько билетовъ безплатно по ироную суму.

О всякомъ выигрышѣ игроковъ сообщается немедленно и таконные точканы О всакомъ выигрышѣ, притомъ каждый билетъ безъ всякаго формальности. Заключеніе

принимается и по телеграфу. Деньги и письма адрес:
въ Банкирскую М. МУШКАТЪ Варшава, Огород-
ная 63, суб. 604.

Адреса для телеграмм: „ЭМУШЪ“, Варшава.

СИРОЛИНЪ "РОШЪ"

вслѣдствіе его благотворнаго дѣйствія прописывается врачами при
КАШЛѢ, ИНФЛУЭНЦѢ, КАТАРРѢ.

Пріятный на вкусъ, сиролінъ охотно принимается дѣтьми и
взрослыми. Сиролінъ "рошъ" улучшаетъ аппетитъ и успѣшно
противодѣйствуетъ симптомамъ острыхъ и хроническихъ

заболѣваній легкихъ.

Сиролінъ "рошъ" укрѣпляетъ органъ дыханія.

Въ аптекахъ и аптечн.
маг. требуютъ непременно
Сиролінъ "рошъ"

ВЫЙТИ ЗАМУЖЬ

Желаютъ въ скор. врем. много барышень
и вдовъ съ приданымъ отъ 5000 до
400000 руб. Женити могутъ быть и безъ
состоянія. Адресъ: Александру Блюгеру,
Берлинъ 112, (Германиа). Письма оплач.
10 п. маркой; на отв. — 10 к. м. 7417

КУМЫСЪ

Самарск. губ. ст. Ток-
ма, Гамп. ж. д. Ко-
ммунальный ст. По-
стоянный врачъ. Пла-
та 90—120 р. въ мѣсяцъ. Кумысъ 15 и 6-
мѣсяч. Высылаются проспекты. Общ.
г. Бузулуки, Самар. губ. И. Т. Гусарову.

ГИГИЕНИЧЕСКІЯ РЕЗИНОВЫЯ

надувы и приборы для извѣсти.
надувы, измѣт. врачами выск. ма-
чества. Издѣлкт. натавогъ Бенди-
данъ въ концъ нояб. за 21 коп. марк.
Америка. складъ ВАНЪ-СТАРЪ, домъ
№ 5, С.-Петербургъ, Невскій пр. № 55.

МЯСНОЙ ЭКСТРАКТЪ ЛИБИХА

ЛУЧШАЯ ПРИПРАВА
для суповъ, соусовъ и мясныхъ
блюдовъ

ГОТОВЫЙ БУЛЬОНЪ ОКСО

КОМПАНИИ ЛИБИХА
въ жидкомъ видѣ
14-2 чашн ложки на чашку горя-
чей воды даютъ лучшій домашній
бульонъ

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ - ГЛАВНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
В. ПОЛЛИЦЪ и К^о
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ФОТО

графъ свѣтъ

настоящ. инт. пикантн., сам. новѣйш. сюж. съ
нат. парик. жанра, только оригиналы выслать
тунчинатъ налагоу вкратчѣ налож. платонъ. Загр.
особо пикантн. въ роскошно-худож. исполнен. кабинет.
за 1 дюж. 3 руб. НІЕВЪ, 5-е почт. отд. до востреб. А. В.

Секретно

въ вкратчѣ пакети высылаются
новымъ книжкѣ

1) Какъ предупредить беременность.

Соч. проф. Г. Розендера. 6-е допов-
ненное изданіе съ репет. и 44 рис.
Изъ этой книжкѣ указаны самыя лучшія
средства, которыя можно вѣять по
нашему репету въ аптекѣ или при-
готовить самимъ. Кроме того указаны
вещества, усиливающія и ослабляющія
половое влеченіе.

2) Законы материнства.

Содержаніе книжкѣ описаніе устрой-
ства женскихъ половыхъ органовъ;
половая жизнь, менсупуа, вѣнчикъ; бе-
ременности; дѣтство и патологія бе-
ременности; вѣнчикъ и искусственный
выкидышъ. Цѣна каждой книжкѣ съ по-
сылкой налож. платонъ 1 р. 80 к. За
обѣ выскѣ 3 р. 50 к. Адресъ: Москва,
абонемента почтовый ящикъ № 928
(дѣвятьсотъ двадцать восемь). 6437

"С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ"

основ. 1860 г.

ДУХИ «ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ»

ОРИГАНЪ
ИДИЛИСЬ
ЦИЦЛАМЕНЪ
ПЕРВАЯ РОЗА
МЮГЕ

БУК. РЕЖАНСЪ
ШЕРИЗІА.

Оригинальные, чудные и продолжительные запахи.

ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО.

Въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ
парфюмерными товарами, въ аптекахъ
и аптекарскихъ магазинахъ. 7294

Золотая медаль.
Парижъ 1900.

ИГРАЙТЕ НА БИРЖѢ!

Групповая спекуляція.

ПАЙ въ 10 рублей.

ВСЯКОМУ доступно
спекулировать.
ТРЕБУЙТЕ ПРОСПЕКТЫ.

"БАНК. КОНТОРА"
С. П. Кропотова, Толмачевъ, 7.

ГАРАНТ. ЗАРАБ. отъ 50 руб.

и больше въ мѣс. Набавки, лишняя про-
дѣст. постоян. домашн. работа на маш.
нов. маш. Познанія не нужны и разст.
не прѣпятств. Мы ПОКУПАЕМЪ РАБОТУ.
Треб. безпл. просп. (на отвѣтъ 7 п. марку).
Т-ВО ВЪЗЛАННЫХЪ МАШИИЪ
ТОМАСЪ Г. ВИТТИНЪ КИОНАУ и К^о.
СПБуржъ, Невскій пр. 40-42. 2.

Защита отъ
бухгалтеріи
исполн. и пром. лекція
безплатно.
Бланъ 2000 ослѣдств.
вирсѣ утѣш. въ раз-
судѣхъ наслѣдств.
Я. К. Маркъ, Либва.

ЗАТРАТА въ 6 руб.

дастъ Вамъ право участія въ 50-ти билетахъ разныхъ серий и
номеровъ III-го Дворянскаго съ выигрышами займа
и получить одну пятидесятую часть (1/50) всѣхъ выигрышей, коимъ
часть на эти билеты въ тиражѣ 1-го мая.

Главный
выигрышъ

200,000

75,000 руб.,
40,000 руб.,
25,000 руб.,
и мн. др.

Вы можете
также
участвовать

въ 10-ти билетахъ по 1/50 часть в. тиражъ въ 2 руб.

Это выгодное участіе дасть Вамъ возможность выиграть очень круп-
ную сумму, и потому совѣтуемъ отъ случая использовать. По по-
лученіи денегъ, Вамъ несладко не будетъ изслѣд. финансовъ кон-
тантъ съ указаніемъ серий и номеровъ билетовъ. Таблица выигры-
шей будетъ опубликована въ этой газетѣ и во всѣхъ другихъ столич-
ныхъ и провинціальн. газетѣхъ.

Заказы просимъ направлять:

въ баннискій
домъ **Ш. ФРЕНЗЕЛЬ**, Варшава, Паска 1, 26.
Телеграфный адресъ: "Варшава - Френзель".

200,000 р. 75,000 р. 40,000 р. 25,000 р. и т. д.

Подлинныя
Государственныя
8-го Дворянскаго займа
на 1 Мая 1913 г. съ выдѣломъ
6 руб. 60 коп.
продать Баннискій Домъ.

М. С. МАТУСОВСКІЙ,

Кіевъ, Александровская площадь 10.

Лица имѣющія заготовку въ 8 руб. 60 коп. получаютъ двадцать вѣнчикъ
часть выигрышей и могутъ часть 1 Мая 1913 года на тридцать
выигрышныхъ билетовъ 8-го займа, номера которыхъ точно обо-
значены въ квитанціи высланной немедленно по полученіи денегъ.
Въ случаѣ тиража объявленнаго безплатно на квитанціи изъ 80 би-
летовъ сѣдующаго займа т. е. 2 Января 1914 г.

1 Мая 1913 года

Выигрываютъ всего 300 билетовъ 800,000 руб. Выигрыши про-
изводятся въ С.-Петербургской Конторѣ Государствен. Банка
и таблицы печатаются по всѣмъ газетамъ.
Прикупленіе. При выслѣдѣ денегъ просимъ указать Вашъ точный
адресъ для выслѣдѣ денегъ. 7318

Квитанція высылается также и налож. платонъ
по полученіи вѣнчикъ по 8 руб. на каждую квитанцію.

3 коп. на участіе въ
90 билет. 19 р. 80 к.

2 коп. на участіе въ
60 билет. 13 р. 20 к.

**СИТЕЦЪ,
САТИНЪ,
БАТИСТЪ,
БУМАЗЕЯ,
МЕБ.ТКАНИ.**

ТОВАРИШЕСТВО МАНУФАКТУРЫ

1896 г. 1896 г. 1896 г.

„Grand Prix“ PARIS 1900.
„Grand Prix“ TURIN 1911

ОПТОВЫЕ СКЛАДЫ:
Москва, С-Петербургъ, Варшава, Харьковъ,
Кіевъ, Одессъ, Омскъ, Чнтъ,
Харбинъ, Кокандъ, Самаркандъ,
Ташкентъ, Бухаръ, Хивъ

**РОЗНИЧНЫЕ
МАГАЗИНЫ:**
Москва, Кіевъ,
Варшава, Одессъ,
Тифлисъ, Ростовъ,
и Саратовъ.

ЗНАМЯ ЦИНДЕЛЬ
ВЪ МОСКВѢ.